НАТАЛЬЯ
САМСОНОВА
ЗАПЕЧАТАННОЕ
СЧАСТЬЕ

Наталья Андреевна Самсонова

Запечатанное счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68982303
SelfPub; 2023

Аннотация

Я не сразу поверила, что это действительно другой мир. Но доказательства мне предъявили весьма увесистые. Теперь я Мэврис Ильсин Траарнская, королева Траарна и несчастливая жена. Вокруг меня сплошное коварство и с этим я мириться не хочу! Мы, земные женщины, тоже можем быть коварными, куда там всяким первым советникам, котам и королям!

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 37
Глава 3 69
Глава 4 100
Конец ознакомительного фрагмента. 109

Наталья Самсонова
Запечатанное счастье

Глава 1

Сквозь безмятежный сон до меня доносились отрывистые фразы:

– Она должна выжить любой ценой…Не хватало испортить отношения с Редгеном…

– Ничего не могу гарантировать, милорд, ничего. Очень сильный, неизвестный яд…Приняла сама, а это…регенерацию.

Похоже, я опять не выключила телевизор. Ну и пес с ним. Перевернувшись на другой бок, плотнее смежила веки. Главное – не фокусироваться на фильме, и тогда можно спокойно доспать до будильника. Иначе если встану искать пульт, то уже не усну. Так и провалилась в темный омут под обещания «придавить мерзавку, если выживет».

Будильник выдернул меня из чудесного сна – я носилась по ночному туманному лугу. А следом за мной черной тенью неслась волчица, она игриво прихватывала меня за пятки и толкала лоснящимся боком. Готова поспорить, что такой странный сон – результат фильма. Надо будет потом посмотреть программу и найти его, люблю фэнтези.

Вот только телевизор был выключен. Хм, это на какой же громкости соседка смотрела? И эти люди еще что-то мне говорят про мой пылесос! А моя «чайка», между прочим, сосет так, что линолеум от пола с хрустом отдирает. Не то что современные бесшумные финтифлюшки.

– Опять грохочет, – раздалось из-за двери соседской комнаты. – Порядочные люди по ночам спят!

– И тут возникает вопрос: почему не спишь ты? – фыркнула я. – Дашь в долг?

За дверью даже дышать перестали. И только тихий-тихий шорох домашних тапочек – соседка отступала к кровати. Вот и хорошо. Нет, деньги в долг никогда и ни у кого не беру, но за последние пару месяцев я точно узнала, как избавиться от назойливой собеседницы. Заговорить о деньгах.

Вообще-то, она нормальная, просто ближе к концу месяца у нее заканчивается наличность. Все почему? Все потому, что я весь месяц питаюсь одинаково. А она с зарплаты шикует – притаскивает красную рыбу, икру. Ясен перец, у нее уже к двадцатому числу деньги остаются только на макароны.

Спонсор хорошего утреннего настроения – бардак на кухонном столе. Грязная тарелка, десертный нож, чашка с недопитым чаем. Нинка опять сорвалась с диеты. Иначе бы прибрала за собой.

Тяжело вздыхая, я скинула тарелку в мойку и вытащила свою чашку. Ополоснула ее кипяченой водой из чайника и налила сок. Времени на полноценный завтрак нет. Увы, сред-

нестатистическая офисная мышь не может себе позволить опозданий. Это только в фильмах героини такие все красивые влетают в офис в девять ноль-ноль с сохраненной укладкой. А я не ведьма и, когда снимаю шапку, еще минут пятнадцать привожу прическу в порядок.

Так, сумка собрана с вечера, костюм отглажен. Сок выпит, печенька съедена. Помыть голову, сделать укладку – и вперед, на баррикады. Жизнь после развода есть, и она не заканчивается на поедании вкусняшек перед телевизором. Хотя бы потому, что кто-то на эти вкусности должен зарабатывать.

Весь день я мысленно возвращалась к своим полночным грезам. Во-первых, выяснилось, что никакого фэнтези не транслировали. По крайней мере, на тех каналах, что мне доступны. А во-вторых, меня преследовали изображения синеглазой волчицы из сна.

– Алис, ты на обед-то идешь? Или так и будешь выключенный монитор гипнотизировать?

Я перевела взгляд на коллегу, потом на монитор и, пожав плечами, встала из-за стола. Так или иначе, а идти придется. Мне и так удалось выбить неделю за свой счет и пережить первые дни в одиночестве.

За спиной нет-нет да и проскальзывал шепоток «Да-да, она его застукала в постели с Альбиной из статистики», «Да нет же, не с Альбиной, а с Катюхой из бухгалтерии». А мне хотелось развернуться и рявкнуть, что кувыркался мой бывший муж сразу с двумя. Он же Шеф, он же Босс, ему же

«все можно, ты ведь понимаешь, Алисочка?» Я понимала. Поэтому сфоткала эту троицу и сбежала. Только благодаря фотографии мне удалось развестись без потерь – он оставил за мной купленную в браке квартиру и небольшой счетец в банке. Правда, пока в квартире идет ремонт, я живу в общежитии.

– Алиса, ты должна нам все рассказать. – Коллеги смотрели на меня как стая собак на единственную кость.

– Да что там рассказывать? – Я устало улыбнулась. – Он босс, и ему все можно. В том числе и уложить двух шлюх в супружескую постель.

– То есть и Альбинка, и Катька? Ничего себе.

Общественность в лице девиц из нашего офиса загудела, переваривая новость. А у меня по спине продрало морозом – посредине нашей кафешки стояла волчица.

– Девочки, вы собаку видите? – Я смотрела ей прямо в глаза.

Девочки тут же заозирались и, глядя сквозь черную зверюгу, тут же отчитались:

– Только Василинка из юротдела. Та еще собака женского рода. Ты про нее?

– Д-да. – Я потерла глаза, но синеглазая зараза никуда не делась.

Больше того, она подошла вплотную и положила морду мне на колени. Что я могла сделать? Только одно – смириться с глюками и позволить им стать еще более странными. Со

вздохом я протянула ей пирожок с мясом и шепнула:

– Ешь, тебе нужней. Я-то хоть работать могу.

Волчица слизнула подношение в один миг. И в этот же миг исчезла. Я только успела убедиться – живот у нее ввалился, мне не показалось. Это было заметно еще во сне. И ведь что интересно, шерсть густая, лоснящаяся, а живот впалый, и если примять шерсть, то можно прощупать ребра.

До вечера я доработала как в полудреме. Несколько раз видела волчицу, но внимания не обратила. Надо проверить, что мне там в аптеке дали – все же снотворное может иметь самые разные последствия. Тем более что девушка продала мне его только после душераздирающей истории о супружеской постели и двух козах в ней.

По дороге домой заскочила в магазин и долго смотрела на сардельки. Купить или нет? Волчица трусила следом за мной, а еще на нее начали оборачиваться люди. Так, может быть, это не галлюцинации? Тогда ее стоит подкормить, а то вдруг нападет на кого-нибудь? Голодные собаки, между прочим, сбиваются в стаи и рвут людей. Одна волчица – это, конечно, не стая. Но все же, все же.

Выйдя из магазина, я выругалась – синеглазая напасть куда-то пропала. Оставила после себя только следы и перепуганную бабульку. Та судорожно крестилась и бормотала, что волки в центре города – это не к добру. Признаваться, что эта волчица шла следом за мной, я не стала.

Перед тем как открыть дверь, я осмотрелась по сторонам: волчицы не было. Что ж, не больно-то и хотелось.

– Съезжу в питомник и куплю щенка хаски, – решила я.

В нашей квартире царила какая-то подозрительная тишина. Странно, а где соседка? Она как три комнаты выкупила, так и ждет, пока я мамино наследство продавать начну, каждый раз выходит к порогу за какой-нибудь надобностью. А тут – тишь да гладь. Хотя, может, в смену вышла? Так-то не должна, но мало ли.

Хотя не стоит говорить «наследство», когда человек живет и здравствует. Просто мама вышла замуж, приняла нового ребенка как своего и переехала с мужем во Францию. Мне осталась комната, небольшие сбережения и прекрасное образование. Я не в претензии, просто немного одиноко. Даже очень взрослой девочке хочется, чтобы мама была рядом. Ну или трубку снимала чаще, чем раз в два месяца.

Раскладывая покупки, я не могла избавиться от ощущения, что за мной наблюдают. Чей-то взгляд буравил спину, да так, что мурашки бежали. А тут еще и тихий скрежет! Крепко сжав нож для масла, я медленно повернулась на звук. Из темноты на меня смотрели яркие синие глаза. Оные глаза находились где-то на уровне моей груди.

– Не подходи, – выдавила я, – не подходи.

Жаль, что соседка на столе оставила безопасный нож. С тесаком для мяса я бы чувствовала себя уверенней.

Секунда, и синеглазая волчица летит на меня. Без единого

звука, не зарычав и не облаяв, она всей тушей ударила меня в грудь, и мы вместе полетели на пол. Последнее, что я запомнила, – это свое искреннее удивление от того, насколько крупнее она стала.

В себя я приходила медленно. Голова раскалывалась, во рту пересохло. Плакала моя подработка, это раз, и два – Нинке хана. Кроме нее, эту тварюгу в квартиру впустить некому, так что гром и молнии будут обрушены на ее тощий зад. И перед. И вообще, прибью заразу! А волчица тоже хороша, я ей пирожок отдала, сардельки купила, а она…

Хорошо еще, Нинка сообразила скорую вызвать. Или вместе со своим хахалем перетащили меня в мою же комнату? Тогда им точно конец настанет – комнату-то я не успела открыть, а ключ убран в тайное место.

– Ее Величество пришла в себя, – гортанно рявкнули у меня над ухом.

Хм?!

– Оставьте нас, – холодно бросил другой, смутно знакомый мне голос.

Шум, шорох, стук закрывающейся двери. И тут меня резко хватают за волосы. Больно-больно! На глазах тут же вскипают слезы.

– Открой глаза, Мэврис.

Резко вскидываюсь, дергаюсь и чуть не оставляю в кулаке мерзавца добрый клок волос.

– Какого… – начала было я и зависла, ибо вряд ли в нашей

районной больничке палаты вдруг отделали под барокко.

– Молчи, Мэврис. Своей выходкой ты окончательно потеряла право на уважение. Если еще хоть раз ты посмеешь совершить нечто подобное, – он сделал многозначительную паузу, – отвечать будет твоя семья. Это достаточно понятно? Или тебе повторить на редгенском?

Редгенском? Редген? То, что мне причудилось во сне? Нет, лучше промолчу. Вдруг поможет.

– Не затягивай с выздоровлением. На завтрашний бал я выволоку тебя за косы и брошу к подножию своего трона, – процедил он. – Будь послушной женой, Мэврис. Если уж любимой из тебя не вышло.

Та-ак, что-то здесь не сходится. Быть того не может, чтобы я ни с того ни с сего превратилась в бессловесную тряпку. «Послушной женой» – подумать только. Может, он еще и «босс, которому все можно»?! От одного ушла и от другого не постесняюсь уйти. Понять бы только, где я, моя память и мое самоуважение.

На самом деле я понимала, почему могла выскочить замуж за этого мужчину. Он был хорош, как картинка: волевое лицо, синие глаза, аккуратно подстриженные темные волосы. Легкая небритость и широченные плечи. Что там у него с кубиками на прессе, пока непонятно, не видно. Но ожирением он явно не страдает. Вопрос в том, как я его подцепила и почему ничего не помню? И почему «Мэврис», да еще и с троном? Он практикует ролевые игры? Или завтра бал-

маскарад?

– На трюмо футляр, это тебе, – небрежно бросил он и поднялся.

Учитывая, что я отчего-то лежу в постели и ничего не помню, то не он ли приголубил меня по голове?! И теперь таким простым и удобным способом извиняется?!

– Преподнести украшение в разы проще, чем что-то изменить, не так ли? – Я рискнула заговорить. – Оставь меня.

– Ты пытаешься мне приказывать?

Откуда-то из глубины души поднялась дикая, какая-то чуждая мне волна бешенства. Да как он смеет?! Мало того, что едва не оставил меня лысой, так еще и насмехается!

– Я не пытаюсь, – цежу в ответ, – я приказываю: выметайся из моей спальни.

– Успокойся, – коротко бросает он и уходит.

А на меня внезапно находит абсолютное смирение. Оно будто тонкой кисеей опутывает сознание, и я четко осознаю, что это спокойствие не мое.

«Мамочки, что происходит? Где я, кто я и почему это происходит со мной?»

– Так, встаем и осматриваемся, – проворчала я и начала сползать с этой огромной постели.

Сев на краю, я осторожно ощупала голову. Так, в пользу потери памяти говорят густые и длинные волосы. Цвет по-прежнему мой, пшенично-золотой, а вот стрижка пропала. Зато нет ни ссадин, ни царапин – значит, по голове меня не

били.

На всякий случай ощупываю лицо. Кожа гладкая, гематом, шрамов или чего-то подобного тоже не появилось. Это хорошо. Потому что чистая кожа всегда была моей гордостью.

Что ж, если никаких повреждений нет, то головной болью можно пренебречь. Перво-наперво надо найти ноутбук и посмотреть сообщения в соцсетях. Уж там-то я все о своем забытом прошлом вызнаю.

Встав, я довольно прищурилась – босые ноги коснулись теплого деревянного пола. На изящной прикроватной тумбочке стояла фотография в вычурной рамке. Какая-то незнакомая, но очень похожая на меня девушка и та самая синеглазая волчица. Причем на фото сидящий зверь был девице по плечи. Интересно.

Ковер, продолговатая тумба, внутри которой оказалось огромное количество старых, потрепанных книг. На столешнице коллекция фарфора и тарелка с орехами. И открытая книга, которую я немедля взяла в руки.

– Злейшее волхвание во крови таится, – прочитала я трижды подчеркнутую фразу. Жутковато.

Слева от постели был выход на широкий балкон, залитый солнечный светом. Это было видно сквозь драпировки. Но выходить я поостереглась – мало ли что за окном, а я в дезабилье.

– А мои апартаменты огромны, – присвистнула я, обнаружив задрапированный вход в небольшой кабинет. – Надеюсь, не мне приходится все это обихаживать, стирать и стряхивать пыль.

«Интересно, чем дело кончилось с той псиной? Оттаскала я Нинку за косы или спустила на тормозах? Если меня прямо из больницы миллионер забрал, то могла и забыть про соседку», – подумалось мне.

Почему я решила, что мой богатый внутренний мир опять подцепил большого босса? А потому что эта огромная спальня была до последней черточки выдержана в стиле тяжелой, давящей роскоши барокко. Обилие портьер, сияющий жемчужный шелк на стенах, изящное трюмо и вычурные канделябры. Все это было сделано весьма добротно, и никакой ДСП и рядом не валялся.

Еще мне не давала покоя фраза моего муженька: не затягивай с выздоровлением. А что, это можно как-то контролировать?! Что-то вроде: «Хэй, организм, если за сегодня справишься, то завтра употребим торт на двоих, только ты и я!» В любом случае я не затянула. Меня немного пошатывало, но от головной боли не осталось и следа. В целом я чувствовала себя почти превосходно.

Дальнейшие исследования показали: розеток нет. Устало отдуваясь, я плюхнулась на низкий пуф и взглянула в зеркало. Чтобы обмереть от ужаса – в гладкой зеркальной поверхности отражалось все, кроме меня. Тоненько всхлипнув, я

передвинула пустую вазу, стоявшую на трюмо. Передвижение, как и положено, отразилось. А я – нет.

– Прекраснейшая леди желает подобрать наряд? – Мурлыкающий голос из зеркальных недр едва не сделал меня заикой. А уж проявившаяся кошачье-человеческая рожа и вовсе заставила слететь с пуфика и им же замахнуться. Правда, запал эмоций практически моментально подернулся искусственной кисеей спокойствия.

– О, так значит, моей леди удалось задуманное? – Морда приняла откровенно глумливое выражение. – Значит, так: письмо зашито в центральную подушку. Если появятся вопросы – договоримся о цене.

– Разобью и даже не вздрогну, – выдавила я и медленно опустила свое импровизированное оружие.

– Я слишком дорого стою. – Рожа оскорбленно отвернулась.

– А я стою еще дороже, – огрызнулась я и добавила: – Что здесь происходит?

– Найди письмо, бестолковая. – Рожа исчезла, а зеркало отразило юную красотку.

Не сразу до меня дошло, что эта красотка – я. Причем такая, до икоты похожая на себя-прошлую. Тонкие черты лица, большие глаза и немного узковатые губки. Я их всегда подкрашивала так, чтобы визуально казались пухлее. Мама меня утешала, что с такими губами легко показать человеку свое недовольство.

«Ты, когда губы поджимаешь, сразу становишься похожа на строгую учительницу», – смеялась мама.

– Грудь у меня была больше, – вздохнула я.

Вернувшись в постель, я принялась прощупывать центральную подушку. Нащупать удалось только странноватую застежку, и уже после, в груде пуха, я выудила увесистый мешочек. Эм, он, конечно, тяжелый, но на письмо не тянет. Ох, мамочки. На моих глазах пух втянулся обратно в подушку, и даже застежка закрылась сама собой. Если у меня глюки, то приняла я что-то забористое.

Развязав горловину мешочка, я вытряхнула содержимое на постель. И тут же уверовала в сказку, потому что из него выпал кожаный ежедневник, с полсотни золотых монет, какие-то рваные золотые цепочки, пара конфетных фантиков и очки в грубой оправе.

– Интересно, это артефакт? – Я поднесла к лицу фантики. – Или последствия тайного перекуса?

На всякий случай потрясла мешочек еще немного, но больше оттуда ничего не выпало. Что ж, ежедневник больше всех похож на обещанное письмо.

Взяв его в руки, я подивилась тому, насколько он тяжел. Гладкая задняя поверхность и художественно сморщенная кожа на переднем крае. Среди складок расположился овальный желтовато-зеленый камень. И все бы хорошо, но открываться эта гадская книжица не хотела ни в какую.

– Да что ж такое?!

– На камень палец положи, откуда ты только взялась, – раздалось от трюмо.

– Ты меня видишь? – ахнула я.

– Нет, – уныло отозвалось трюмо, – Мэврис не может спать, если за ней наблюдают.

– Вот и славно.

На нажатие камень отреагировал сменой цвета. Книжица вырвалась у меня из рук и зависла у лица. На желтоватом листе проявилось послание:

«Не истери, ты сможешь вернуться домой. Если захочешь. И печень дракона тебе для этого не понадобится».

Показав мне это, книжица упала на постель.

– Уже хорошо, – вздохнула я и взяла ее в руки. – А что понадобится-то?

«Я долго думала, как именно начать это послание. Ведь поначалу я хотела ограничиться письмом. Но по мере написания становилось понятно, что письмом я не отделаюсь. Да и опасно это. Самое главное – этот ежедневник открыть можешь только ты. И ты имеешь право его не открывать, даже если тебе прикажет король. А теперь позволь представиться: Мэврис Ильсин Траарнская, королева Траарна. И теперь я – это ты».

– Что ж, одно радует – прибираю эти хоромы не я.

Хорошо, что вокруг разума по-прежнему колыхалась кисея спокойствия. Иначе я бы уже заливалась истерическим

хохотом или слезами. Или и тем, и тем.

«В этой книге не так много страниц, и постепенно они все проявятся. Насколько постепенно – не могу сказать, магия повинуется мне и вполовину не так хорошо, как раньше. Одно могу сказать точно: инструкции к твоему возвращению домой проявятся на последней странице. И только через полгода. Именно столько времени нужно для того, чтобы выжил мой самый близкий друг. Тот, для которого я и решилась на этот ритуал».

А я думала о том, удастся ли мне все эти полгода симулировать головную боль. Поскольку пускать под свое одеяло новоявленного муженька мне совсем не хотелось. Даже несмотря на то, что он дьявольски красив.

Сидеть сгорбившись было неудобно, поэтому я укрылась одеялом и прилегла. Ежедневник можно было назвать личным дневником королевы Траарна, и он явно таил в себе множество ответов. И вопросов.

«Мне приходится писать очень быстро, из-за этого страдает почерк. Но иначе нельзя – исчезающие чернила довольно капризны, и использовать их нужно, не отступая от правил. Если тебе будет интересно, то в моих апартаментах собрана прекрасная библиотека. Там есть книги по этикету – я родилась в Редгене, и мне приходилось учиться, как быть королевой Траарна. Но нельзя сказать, что я была прилежной ученицей. Поэтому никто особенно не удивится твоим промахам. Не бойся противостоять королю, перечить ему и

уходить из комнаты в тот момент, когда он еще пытается говорить, – все это ему хорошо знакомо. И не бойся ночей с ним – я родила всех необходимых по договору детенышей, и он не смеет принуждать тебя к постели. Конечно, в его сложной ситуации он может попросить, но…»

Вот как сглазила, после последнего абзаца вопросов появилось больше, чем ответов. Я говорю и думаю на траарнском языке или здесь в ходу русский? Для меня все звучит как родная речь. Но ладно язык, понимаю – и хорошо, могло бы быть куда хуже. А вот что за оговорка про «детенышей»? Это королева так не любит своих детей или здесь принято их так называть? Детеныш человека… Хм, тогда женщина получается самкой человека.

Но больше всего меня радовала и пугала заметка о том, что король не может принудить меня к близости. Все же я не готова лечь в постель с тем, кто мне не знаком. Хотя если быть честной до конца, то я скорее не готова лечь с тем, кто ненавидит прежнюю хозяйку моего тела. А иного вывода из обстоятельств своего пробуждения я сделать не могу – Мэврис явно что-то натворила. Вот только если король в «сложной ситуации», то кто может помешать ему проигнорировать все прежние договоренности? Даже в наше земное просвещенное время некоторые исповедуют фразу, что «жену невозможно изнасиловать». Ибо супружеский долг и все такое. Надеюсь, у короля есть фаворитка.

Глубоко вдохнув, я про себя проговорила: «Итак, я в дру-

гом мире». Вроде звучит неплохо. Попробую вслух:

– Я в другом мире. На полгода.

М-да, звучит не очень хорошо.

Завозившись, я решила выбираться из-под одеяла, пока не уснула. И только чудом заметила еще две строчки:

«И помни: я, то есть ты до безумия любишь не только Умфру, но и Шелтиса».

Хм, если это имена ее детей, то кто из них кто? Мальчик и девочка, или девочка и девочка, или мальчик и мальчик? Как же сложно в чужом мире. Хотя что это я? Умфра определенно девочка, а Шелтис мальчик. С этим попаданием последний ум потеряешь.

«Ты могла бы попасть не в королеву, а в прачку», – шепнул здравый смысл, и я с ним согласилась. Могло быть хуже, но не случилось. А значит, есть повод для праздника. Не успела я додумать праздничную мысль до конца, как двери, через которые гордо вышел король, распахнулись без стука. Это кто же это так нагло входит к королеве?

«Кто-то» был высоким блондином с пронзительно-зелеными глазами, породистым лицом и чуть оттопыренными ушами. Последние как-то резко диссонировали с остальным великолепием.

– Его Величество желает…

Но я сразу же его оборвала:

– А теперь выйди и войди нормально.

– Что?

– Входя в мои покои, следует стучать, – мягко, как маленькому ребенку, пояснила я, – и дожидаться разрешения войти. Иначе может произойти конфуз.

Блондин оторопело моргнул, развернулся и вышел. Затем снова без стука открыл дверь и сдержанно заметил:

– Но перед вашей спальней малая гостиная, вы же не услышите.

– То есть то, что вы вломились в мою спальню, вас не смущает? – Я приподнялась на локтях, и одеяло вместе с частью сорочки сползло.

– Но ведь раньше…

– А сегодня я проснулась совсем иной, – поставила я точку.

Надеюсь, это не местный Ришелье, а то может неловко выйти. С другой стороны, не слишком-то это умно – вваливаться в спальню королевы. Это неприлично со всех ракурсов, даже если говорить о крошечных земных квартирках. Но, с другой стороны, он мог иметь определенные привилегии… У меня сейчас голова лопнет.

– Тогда я подожду Ваше Величество в гостиной. – Он коротко поклонился и закрыл двери.

А мое величество, глядя в закрывшуюся дверь, вдруг до крайности четко осознало: осмотр апартаментов не выявил гардеробной. Мне что, в простынку завернуться? И сказать, что нынче в моде Древний Рим?

Вот только Рим – что Древний, что современный – остал-

ся где-то черт знает где. От этого стало еще грустней. Со стороны трюмо донесся смешок. Ага! Я в три секунды оказалась на пуфике перед трюмо и потребовала показать мне гардеробную.

– Ты же должно знать, – добавила я.

– Во-первых, я хоть и дух, а осознаю себя мужчиной. Во-вторых, ты не моя хозяйка и приказывать мне не можешь, – глумилась надо мной эта кошачья морда. – В-третьих, я и есть гардероб. Ты в мире магии, крестьянка.

У меня от возмущения аж горло перехватило:

– Почему это я крестьянка?!

– Потому что благородное магическое искусство доступно лишь благородному сословию. Оно потому и называется «благородным». А раз ты не способна…

– В моем мире нет магии, дурная ты стекляшка!

– Целый мир крестьян, – ужаснулся зеркальный дух, и его кошачья мордочка медленно истаяла.

– Ты куда?! Чертовы маги, да как можно доверить самое важное истеричному, непрофессиональному, жалкому подобию разумной жизни, – прошипела я и схватила с трюмо вазу.

Что, вот что мне сейчас делать?! Маленькая зараза в зеркале пользуется тем, что я ничего не могу без него достать. В комнате, которую я даже в глаза не видела, дожидается неизвестно кто. Вся одежда неизвестно где и я завишу от говоря-

щего трюмо! Не жизнь, а сказка. В-волшебная, чтоб ее.

– А сама-то ты кто? Разумная, что ли? Другая бы первым делом со мной договорилась, – не смолчал зеркальный дух.

Я не виновата. Серьезно. Я просто не успела подумать. С громким «дзынь» ваза влетела прямо в ехидно скалящуюся морду духа. Осколки осыпались на столик, а дух ошеломленно выдал:

– Ты чего? Я же заклят на неразбиваемость!

– Тогда побудь наедине с собой, – буркнула я и сложила два боковых зеркала.

Ого, а у кого-то и правда отвратный характер – на обороте правого малого зеркальца был прикручен крючок, а на левом красовалось ушко. Так что я со спокойной душой закрыла говорящее трюмо и села на пуф. Надо было что-то делать, но я даже не представляла что. Может, выглянуть за дверь и послать лопоушика туда, откуда он пришел?

– Открой меня. Открой. Ну о-откро-ой. Так нельзя. Я же разумный артефакт! Ты хоть знаешь, как это ужасно, когда тошнит, а блевать нечем? Ну ты же создала сразу два зеркальных коридора, а я-то один! Мне правда плохо. Открой. О-откро-ой! Клянусь служить тебе, пришедшая.

Что ж, остается только понадеяться, что это правильная формулировка. Встав, я взялась за крючок и вскрикнула – серебро было раскалено. Правда, сбросить я его все же успела. А вот створки распахнулись сами и отразили меня-новую в изысканном платье. Квадратный вырез, облегающий рукав,

насыщенно-грозовой цвет и богатое серебряное шитье.

– К комплекту полагается нижнее белье, чулки, подвязки и два вида туфель – на тонком каблуке по последней моде и на устойчивом каблуке по старой редгенской традиции.

Я пристально осмотрела предложенное и прищурилась:

– Никакого подвоха?

– Я бы рад, но уже дал клятву, а создатель запретил вредить хозяевам.

– Какой создатель? – опешила я и невольно подумала о богах.

– Который мастер-артефактор, – вздохнул дух. – Встань и раскинь руки, как будто собираешься взлететь. Я сниму твою одежду и надену вместо нее другую. Только произнеси вслух, что хочешь полный комплект показанного наряда с туфлями второго типа.

– Так, я хочу полный комплект показанного наряда – платье и все, что входит в этот комплект. С туфлями второго типа. – Я встала, раскинула руки и прикрыла глаза. Просто на всякий случай.

– Будет исполнено, – отозвался зеркальный дух.

Вот интересно, корсет – это так же неудобно, как выглядит, или все-таки терпимо? Что ж так долго-то? Вдох, выдох, в лицо будто подул морской бриз. Больше ничего не происходило. Открыв глаза, я хотела уточнить, что еще нужно сделать, чтобы получить уже одежду, но осеклась на вдохе – меня уже переодели и даже о макияже с прической не забыли.

Волосы были уложены в замысловатый узел, несколько прядей выпущены и лежат на плечах. В ушах мерцали скромные серьги, а на лице красовался нежный дневной макияж.

Приподняв юбку, я полюбовалась на серебристые лодочки и улыбнулась зеркалу:

– Ты молодец, замечательная работа.

Удивительно, но корсет я совершенно не ощущала. Видела его, даже побарабанила по конструкции пальцами. Он – был, неудобств – не было. Но всерьез задуматься об этом я не успела: давешний лопоухий придворный вновь вломился в спальню.

– Ваше Величество, Его Величество…

– Не может, как хочет? – огрызнулась я.

Юноша что-то промямлил и повысил голос:

– Он изволил покакать на важные документы!

Здешний король слабоумный?! Мне резко поплохело, и я, без сил опускаясь на пуфик, слабым голосом уточнила:

– Король?!

– К-какой король? – начал заикаться юноша. – Ваш кот, Шелтис, пробрался в королевский кабинет и наг… и изволил покакать на важные документы. Его Величество возжелал, эм, как бы…

– Ясно, – вздохнула я. – Веди меня к месту преступления.

– Преступления? – Парнишка изменился в лице, проворно выхватил узкий кинжальчик и встал в странную позу. – Я защищу вас!

– Прости, – я мужественно задавила в себе смешок, – я имела в виду, отведи меня туда, где покакал Шелтис. И потренируйся грамотно, четко излагать свои мысли.

Парень, спрятав кинжальчик, проворчал что-то вроде того, что проще сходить туда, где шерстяная скотина не гадила. Я милостиво сделала вид, что ничего не слышала.

– Начинай так: я, такой-то, в таком-то статусе, имею сообщить, что произошло то-то и то-то, там-то и там-то, – наставительно заметила я и подошла к двери. Пора уже узнать, что творится за пределами спальни.

– Я, Райан нед-Арнский, признанный неудачный сын Его Величества, состою при вашей свите и отвечаю за хаэтэ Шелтиса, – гаркнул парнишка, – Хаэтэ Шелтис покакал на проект дополнения к союзному договору с Редгеном в малом личном кабинете Его Величества Линеда Траарнского.

Признанный неудачный сын?! Да что творится в этом мире?!

Я жестом попросила Райана пройти вперед и исподтишка его рассмотрела. Хм, две руки, две ноги, одна голова, и та вроде бы ясная. Не дурачок, не косит, не заикается… Почему неудачный?

Ох, а если он не может иметь детей? Или делать их?

Стоп, в этом мире есть магия, значит, колдуны должны быть в почете. Логично предположить, что Райан лишен дара и потому неудачен.

На пару секунд я даже немного возгордилась своим почти холмсовским гением. Вот только паренек мою стройную теорию опрокинул, сам того не заметив – походя, одним движением. Он всего лишь щелчком пальцев убрал пятно со светло-голубого ковра в моей гостиной. Сама гостиная у меня в памяти не отложилась – обилие голубого и серого, перебор с шелком и бахромой. Зато приятно удивил свежий, как будто озоновый, аромат.

А Райан явно заметил мою реакцию на его колдовство и поспешил оправдаться:

– Мне несложно, а служанкам для этого придется сдвигать мебель, снимать ковер и нести к младшему помощнику придворного мага. А вы же не любите, когда нет ковра.

– Ты хороший и добрый мальчик, – улыбнулась я.

«Мальчик» запнулся и посмотрел на меня с суеверным ужасом. Да, по ходу, королева не баловала ребенка добрым отношением. Как разобраться в этих амурных хитросплетениях? Признанный сын – это бастард? Или это законный ребенок, которого признали неудачным? Надо порыскать в обещанной библиотеке, вдруг там есть что-то вроде «Тысяча и один ответ на глупый вопрос».

– Ты хорошо следишь за Шелтисом? – Идти в тишине было немыслимо.

– Да, Ваше Величество.

– Тогда как он совершил свое неблагое деяние?

Райан уныло посмотрел на меня и пожал плечами. Хм, не

ответить на прямой вопрос королевы – это вопиющее неуважение. По крайней мере, я бы не рискнула просто пожать плечами, спроси меня президент о чем-нибудь. То, что я, скорее всего, начала бы заикаться, опустим.

– Райан, я хочу, чтобы ты ответил честно и откровенно. Так, будто я не твоя королева, а просто ч… Просто женщина. Так, как я тебя сегодня научила.

Он остановился и, посмотрев мне в глаза, четко ответил:

– Вы, будучи Картрис Редгенской, сами создали этого кота. Вы наделили его способностью проходить сквозь чары, не гореть в огне и не тонуть в воде. Ни одно из смертельных проклятий на хаэтэ Шелтиса не подействовало ни разу.

– Почему именно хаэтэ? – Я постаралась выглядеть не заинтересованной ответом.

– Так ведь не дельвер же, – очень понятно ответил Райан. – Но я привык к этому пушистому и знаю, что он не таит злобы, в отличие от… Не таит злобы. А сейчас король собирается попробовать на нем новое проклятье. И у него это могло уже получиться!

Интересно, если я начну записывать в королевский ежедневник термины, это как-то нарушит проявление новых записей?

– Пожалуйста, активируйте портал, – попросил Райан, останавливаясь у мраморной арки.

А я-то еще удивилась, что она стоит посреди коридора!

Медленно, старательно покачивая бедрами, я подошла к

арке. Погладила ее кончиками пальцев, надавила на завитушку, опасливо оглянулась на парнишку и прикусила губу: вредный артефакт не желал работать.

– Включись, зараза, – прошипела я.

Что именно подействовало, не знаю. Но, едва в пространстве арки появилась голубоватая дымка, я ощутила острый приступ голода. Он быстро прошел, но оставил после себя слабость. А еще я услышала:

– Хотел бы я, чтобы хоть кто-нибудь меня любил так, как шерстяного поганца любит королева.

Я сделала что-то не то?

И в голове как-то сами всплыли воспоминания о том, как легко и просто избавиться от жены – в монастырь. Почему я так плохо изучала историю? Сейчас бы знала, чего бояться, все же люди везде люди. Зато я точно знаю, что человека можно объявить сумасшедшим. Вот созовут консилиум и зададут пару простейших вопросов. Простейших – для этого мира. А я не смогу ответить. И все, нет королевы.

Райан шагнул в портал первым, я, чуть поколебавшись, шагнула за ним. И открыла глаза уже в каком-то волшебно-аквамариновом коридоре. В центре которого стоял высокий худощавый мужчина с хищно-ястребиным лицом.

– Ваше Величество, вам запрещено идти дальше.

– Вы запретили? – вскинула я брови.

– Решения Его Величества приоритетны. Лорд нед-Арнский, извольте покинуть…

– Райан останется, – жестко произнесла я. – И это мое желание. А сейчас я прошу и требую, чтобы хаэтэ Шелтис был выдан мне на руки.

Все это я старалась произнести со сдержанным достоинством королевы. Которой я ни разу не являлась. Вот только лица Райана и этого неизвестного мне ястреба вытянулись так, будто я разделась и принялась отплясывать джигу.

И как-то сам собой вспомнился великолепный Раджа принцессы Жасмин. Кхм, такого котика мои ручки могут и не пережить.

– Раз лорд нед-Арнский рядом с вами, значит, вы знаете, что сделал хаэтэ Шелтис, – тонко усмехнулся мужчина. – Его Величество желает…

– Отыграться на беззащитном животном? – вскинула я брови.– Очень на него похоже.

Что уж там похоже на короля, а что нет – не мне судить. Но спасти бедное животное я обязана. Вопрос в том, что бы устроила настоящая Мэврис? Показательную истерику? Но это путь слабой женщины, а вряд ли слабая смогла бы пробиться в другой мир и выдернуть оттуда душу.

Ястреб передернулся и процедил:

– Вы не собираетесь отступать, верно? При том что ваш собственный отец приказал вам принять свою судьбу с покорностью.

– И облегчить вам жизнь? – Я окончательно перестала понимать, что происходит. – Будьте столь любезны и отойдите

в сторону. Я – королева, а королевский дворец – мой дом. И в моем доме не будет запертых от меня дверей. В противном случае меня здесь ничто не удержит.

Я не повышала голоса и старалась улыбаться. На лице Ястреба не отразилось ни единой эмоции, он стоял, скрестив на груди руки, и холодно улыбался.

– Вы правы, Ваше Величество, – произнес он, когда я подошла к нему вплотную, – но у меня есть приказ, и я его исполню. С тем, где чей дом, вы сможете разобраться позднее, вместе с Его Величеством.

Отступать нельзя. Мэврис бы не отступила, и мне нельзя. А потому… В голове всплыло воспоминание о том, что король может попросить меня о супружеском долге, потому как у него особая ситуация. Хм. Рискованно, но должно сработать.

Приблизившись к нему вплотную, я прижалась щекой к его груди. Руки Ястреб не убрал, и было немного неудобно, но большой роли эта мелочь не играла.

– Вы строгий мужчина, ответственный. И никогда не отступаете, верно? Ваши отношения с королем, безусловно, крепки и доверительны… Но что, если я начну оказывать вам знаки внимания? Учитывая непростую ситуацию Линеда, как он отреагирует на королеву, что влюбленной кошкой преследует его… друга? «А друг ли он мне?» – задумается Его Величество.

Очень сложно страстно прижиматься к тому, кто стоит подобно нерушимой скале. Но я старалась. И пусть в обычной жизни я себе такого не позволяла – что с того? У меня полугодовые экстремальные каникулы, чего ж теряться?

– И вы окажетесь в монастыре, – усмехнулся Ястреб.

Но я слышала, как зачастило его сердце. А значит, остается лишь немного дожать:

– Но кто знает, не окажетесь ли и вы в подобном месте?

Это я прошептала ему в губы. И он сдался, отступил и широким жестом предложил мне идти вперед:

– Вам вряд ли понравится, Ваше Величество.

– А это моя беда, верно? – усмехнулась я. – Не забывайте, что вы очень привлекательны. Такое выразительное лицо.

Райан за моей спиной прыснул и поспешно извинился:

– Прошу прощения, воздухом подавился.

Через несколько шагов аквамариновый коридор вильнул в сторону и закончился двустворчатыми дверьми, у которых несли караул стражники. Они проводили нашу процессию тоскливыми взглядами, в которых читалось: «Раз уж этот ее не удержал, мы и пытаться не будем. Чай не супостат зловредный, а королева».

Двери распахнулись сами и явили нашему взору чудеснейшую картину. И запах. Что ж, даже если этот кот и был сотворен из ничего, сейчас он вполне себе живое существо, и его фекалии воня… э-э-э, пахнут как все другие кошачьи экскременты – крайне гадко.

– На вас напали? – кротко осведомилась я. – Стоило вызвать подмогу.

Посреди комнаты замерли бойцы – король и толстенный рыжий мейн-кун. Скорее всего, это какая-то местная порода, потому что кот велик даже по меркам мейн-кунов.

– Я велел тебе отправляться на плац, – бросил король, и я на мгновение опешила: что мне там делать?

– В мои обязанности входит забота о хаэтэ Шелтисе, – спокойно ответил Райан. – Вы сами приказали мне исполнять прихоти королевы.

– Значит, сейчас королева перехочет, чтобы ты заботился об этом коте.

Король явно пребывал в ярости. Но, вообще, его можно понять – в кабинете явно бесновалось торнадо. На столе, на полу и в гостевом кресле валялись бумаги, стекла в шкафах треснули, а люстра явно собиралась упасть.

– С чего бы? – удивилась я. – Райан станет уделять Шелтису больше времени, и все будет прекрасно. Право, Ваше Величество, не стоит вымещать свою злость на животных. Они не способны вам противостоять.

У Ястреба держать лицо получается лучше. Но Его Величество быстро взял себя в руки и с нехорошей улыбкой произнес:

– Что ж, это может быть правдой. Но за этот беспорядок кто-то должен ответить. Испорчены важные бумаги, и я должен быть уверен, что этого больше не повторится. Лорд нед-

Арнский, извольте прибыть вечером в распоряжение лорда Эрсталя и получить пять плетей.

От злости и ужаса у меня перехватило горло. Пять плетей?! За что? То есть, конечно, союзный договор и все такое, но… Но я ни за что не поверю, что кошак сам пришел именно в королевский кабинет. С этим мальчишкой у меня, кажется, устанавливается дружеская связь, я не могу позволить королю это все разрушить. И ввести в мое окружение другого смотрителя за котом – тоже. Райан наивный и доверчивый мальчик, не факт, что другой будет таким же.

Фух, вдох-выдох, это всего лишь пять плетей, не десять и не двадцать.

– Не стоит перекладывать с больной головы на здоровую, – холодно бросила я. – Если вы так хотите исполосовать кого-нибудь плетью – пусть это буду я. Шелтис принадлежит мне, а придворные так давно не развлекались.

В тишине было отчетливо слышно, как Райан со всхлипом втянул в себя воздух. Что его так поразило, мое заступничество или предательство отца, – неизвестно. Но этот короткий, беспомощный звук немного разрядил обстановку.

Линед похлопал в ладоши и криво усмехнулся:

– А вы, моя леди, перешли со скандалов на провокации? Подставить лилейную спину под плеть – как смело. Если я позволю лорду Эрсталю вас высечь, мне придется его казнить. Если сделаю это сам – испорчу отношения с Редгеном. Как бы ни вели себя ваши женщины, руку на них поднимать

не позволено. В человеческом обличье, разумеется.

От этой ремарки так и веяло презрением. Будто есть в этой редгенской традиции что-то плохое.

– Вы всегда можете сослаться на свою личную культуру общения, – кротко ответила я.

Скандала и провокации не вышло – король успел остыть, да и свидетелей было слишком много. А я поняла, что сегодня ночью мне нужно объять необъятное и узнать, хотя бы в общих чертах, что за нравы царят в Редгене. Вдруг я смогу что-то использовать?

Утробное, басовитое мяуканье заставило всех перевести взгляд на кота. Он сидел на замусоренном столе, гордый и красивый, и всем своим видом показывал, что это помещение уже пора покидать. Мол, я сделал все, что хотел, и теперь пора идти.

– Легко быть смелой, зная, что никто не рискнет осуществить предложенное, – вкрадчиво произнес Ястреб. – Осмелились бы вы, Ваше Величество, на это, если бы вас не защищал королевский венец? Вы знаете, каково это? Свист взлетающей и опускающейся плети, обжигающая боль и вспухающие на коже кровавые рубцы…Даже вам пришлось бы несладко.

У меня по коже побежали мурашки, но я удержала лицо. Идите к черту, мне нужен этот наивный мальчик и его доверие. Переживу, никто не рискнет забить королеву насмерть.

– Если это повторится, – четко, жестко произнес Линед, – будете высечены оба. Невзирая на пол, возраст и международную обстановку. А теперь пошли прочь.

– Райан, возьми Шелтиса, – распорядилась я. – Приятного дня, Ваше Величество.

Прощаться с Ястребом я не стала – не знала, как к нему обратиться. Поэтому предпочла сделать вид, что его нет. И, судя по опасливо-восторженному взгляду Райана, это было неверное решение. Но что я могла сделать? Поцеловать неизвестного милорда? Или потрепать по щечке? Хм, о последнем стоит подумать. В конце концов, королевские милости могут проявляться по-разному.

Глава 2

Райан проводил меня до гостиной и собрался откланяться. Но не тут-то было. Не зря же я рисковала своей «лилейной» спиной? Разумеется, не зря, а значит, надо закрепить успех и немного порасспросить парнишку.

– Прикажи подать нам чай с печеньем, – спокойно распорядилась я. – И перекус для хаэтэ Шелтиса.

– Да, Ваше Величество, – поклонился юный лорд нед-Арнский и вышел за дверь.

А я приблизилась к роскошному коту. Рыжий и желтоглазый, он крайне подозрительно на меня смотрел. Надеюсь, он меня не загрызет, все же очень уж велик хаэтэ.

– Давай знакомиться? Теперь я – Мэврис Ильсин Траарнская, а ты мой кот.

Кот зевнул, обдал меня тонной презрения и спрыгнул на пол. Ничего себе! Да он же мне по колено! Даже выше… Если он ночью уляжется мне на грудь, то утром Линед Траарнский будет праздновать вдовство.

Шелтис тем временем отерся о кресло так, что оно отъехало в сторону. И на свет показалась тоненькая книжица, я бы даже сказала, брошюрка.

«Отличия Редгена и Траарна, или Что редгенке не следует делать в Траарне». Брошюрка была зачитана до дыр и имела карандашные пометки.

– Шелтис, ты самый умный кот на свете!

Он явно приосанился, потянулся и запрыгнул в кресло. И, что интересно, он умудрился в него даже немного не поместиться. Кончиками пальцев погладив умную кошачью голову, я наконец-то осмотрелась. В гостиной было много голубого и серого, и это странным образом успокаивало.

Вычурные двери немного приоткрылись, и внутрь просунулась голова Райана:

– Я стучу, но все равно не слышно. Можно войти?

– Входи, – кивнула я.

Вошел он вместе с тремя служанками. Ох, вот это чай с печеньем – нам принесли четыре пузатых фарфоровых чайничка, четыре чашки, две трехъярусные штуковины с пирожными и конфетами и огромное блюдо с фруктами. А также золотую миску с сырым мясом.

На секунду мелькнула недобрая мыслишка приучить кота есть за хозяйским столом. Какая-никакая, а месть Мэврис. Но эту мысль я быстро отбросила – неизвестно, какими жестокими методами его будут от этого отучать.

– Ваше Величество, кому вы доверите вести чайный вечер? – три служанки пропели это хором.

– Я справлюсь сама, – сдержанно ответила я.

Еще не хватало мне чужих ушей за столом.

– Расскажи мне что-нибудь, Райан, – улыбнулась я и взяла чайничек.

– Вы… Ох, благодарю.

Его руки дрожали, когда он принимал чашку. Так, я опять лажаю, вот прям чувствую это.

– Что бы вы хотели услышать?

А что я хочу услышать? А я все хочу услышать.

– Расскажи мне обо мне, – попросила я. – Недавно я кое-что услышала и теперь хочу понять, правду ли говорили те люди.

Он пригубил чай, дождался, пока я сделаю глоток, и неуверенно спросил:

– Опять правду?

– Да, последнее время мне очень нравится слушать правду.

Райан надолго завис над чашкой. Парнишка вдыхал ароматный парок так, будто это первый чай в его жизни. Я понимала, что он просто собирается с мыслями, и не мешала. Спокойно потягивала умеренно-горячую жидкость и думала о том, что в некоторых случаях земные ароматизированные чаи все же получше. Тут, конечно, экология и все такое, но все же при дивном запахе вкус практически отсутствует.

Наконец Райан собрал мысли в кучку и негромко произнес:

– Вы приехали в Траарн три года назад. Нас с сестрой тогда закрыли в особняке в предместьях, и я не знаю, что происходило при дворе. Но, когда уезжал, заметил на окнах королевской спальни антипортальные щиты, такие мощные, что их было видно обычным взглядом. Я… Я тогда позло-

радствовал, потому что мне было очень… Неважно.

Я кивнула и вновь поднесла чашку к губам. Не буду сбивать.

– Мама родила мне сестру и умерла. – Лорд нед-Арнский пожал плечами и криво улыбнулся. – Отец из отца превратился в короля и сюзерена, да еще и притащил в мамины покои замену. Я радовался вашим бедам, моя королева. Но когда в газете, на магофото, рассмотрел антимагические браслеты на ваших запястьях, тогда я понял, что и вы тоже жертва. Я не виню отц…Его Величество, род требует больших жертв, иным способом не сохранить Четыре Королевства, фанатики Единого Бога не дремлют. Но все это слишком жестоко. В общем, все знают, что вы до последнего не соглашались на брачный ритуал.

– Да, – кивнула я, – это было тяжелое решение.

Больше мне сказать было нечего. Но Мэврис я остро посочувствовала: может, у нее уже был любимый человек?

– Потом Боги благословили вас двойней, а нас с сестрой вернули ко двору, помогать. – Райан отвел глаза. – Точнее, я должен был помогать, а Далейра еще недостаточно взрослая, она просто живет здесь.

– Мне не очень понятен этот обычай, с разделением детей, – осторожно произнесла я. – Ты был в Редгене?

– Разве меня кто-нибудь выпустит? – горько улыбнулся Райан. – Хоть и неудачный, а все же из ветки королей Траарна. Но да, я знаю, у вас дети неприкосновенны.

Так, по логике вещей, Мэврис точно должна знать, удачными ли вышли ее дети. Значит, в эту сторону больше расспросы вести нельзя.

– Ясно. – Я сделала вид, что полностью удовлетворена. Все же не стоит рисковать и вываливать на парнишку все вопросы.

– Но вы не об этом хотели узнать, верно? – Он серьезно заглянул мне в глаза.

Я неопределенно пожала плечами и взяла чашку. Кто его знает, о чем могла захотеть узнать королева.

– Вы хотите знать, что думают люди о вашей попытке убить свою дочь, – уверенно произнес Райан, а у меня чай хлынул из носа. Ужасно неаристократично.

– Что?!

– Люди шепчутся, что вы подложили в кроватку своей дочери опасный артефакт и тогда Его Величество запретил вам посещать детей. – Мальчишка смотрел мне в глаза, и взгляд его был удивительно острым, проницательным.

Цензурных мыслей у меня не осталось. Если поначалу к королеве я прониклась некоторым сочувствием, то сейчас хотелось удавить ее тело. Как, ну как можно быть такой мерзкой тварью?!

– Я не… Ох, я никогда не пыталась. – Слова никак не хотели выговариваться. – Ладно, неважно. Узнать я хотела другое, а это нужно просто пережить.

Райан засиял как солнышко:

– Я надеялся, что это неправда. Вы вздорная и ненавидите короля, но вы никогда не показывали своего неудовольствия другими людьми. Ох, простите, мне не стоило так говорить.

Парнишка встал, поклонился, как-то демонстративно допил и завернул чашку в вытащенный платок:

– Благодарю за Великую Честь: испить чай истины из рук Черной Волчицы Редгена – никто из траарнцев не может этим похвалиться.

Чай истины? Я танцую чечетку на минном поле и уже несколько раз только чудом не подорвалась. Как понять уклад чужой культуры за несколько часов? Да никак, просто надо прекращать плыть по течению и включать мозги.

Я улыбнулась и коротко ответила:

– Не привыкай к хорошему, оно склонно быстро заканчиваться.

– Я знаю, – грустно улыбнулся Райан. – Я могу быть чем-то полезен моей королеве?

– Хочу что-нибудь забавно-историческое почитать. Можешь что-то посоветовать?

– Из новых поступлений в библиотеке есть книга о путешествиях мастера пространственника Арто Легера. Он прошел Траарн и Редген до Золотоносных гор и даже был в стране единоверов, – тут Райан таинственно понизил голос, – его пытались сжечь во славу Светлой Ларторны, но он ушел порталом. На этом он решил закончить свои путешествия и осел

у эльфов.

– Изумительно, Райан. Прикажи прислать мне эту книгу.

– Если не побрезгуете, то у меня есть экземпляр. – Лорд нед-Арнский вытащил из кармана маленькую коробочку, которая быстро увеличивалась в размерах. – Вот, возьмите. Я прочел библиотечную и решил приобрести себе. Там есть полезные закл…Ох, прошу простить меня.

Он мгновенно опустился на колени и покаянно склонил голову.

– Молю о прощении, моя королева. Недостойный смел упомянуть магию в вашем присутствии. Я… поверьте, я знаю как это больно, когда сила уходит.

– Раз знаешь, то и наказывать тебя не за что, – выдавила я. – Оставь мне книгу и иди.

– Так нельзя, я должен искупить свою вину.

– Тогда к следующему утру придумай, каким образом сделать так, чтобы стук в дверь был слышен в любом уголке моих покоев.

Он вскинул голову и обжег меня благоговейным взглядом:

– Все что угодно для моей королевы.

Как же страшно, шаг влево, шаг вправо – расстрел без права на апелляцию. Ну ничего, устроить вам, что ли, торжество демократии в отдельно выбранном королевстве?

С таким настроем я отправилась в спальню – тиранить зеркало и изучать тоненькую брошюрку. Начну я с зеркала, чтобы время не терять. Ведь если его опять придется закры-

вать в зеркальном коридоре, то, пока дух одумается, можно будет изучить книжицу.

Прямо перед самой дверью возникла неожиданная проблема: хаэтэ Шэлтис никак не мог определиться, хочет ли он войти или все же спальня королевы недостаточно хороша для него. В итоге пришлось подхватить кота под пушистое пузо и внести внутрь – я не могу оставить дверь открытой. За это я была бита увесистой лапой. Хорошо, хоть когти не выпустил.

– Оба притащились – так держать, крестьянка. В компании с комком шерсти ты выглядишь так, будто содержимое тела и не поменялось, – проскрипело зеркало.

Хм, может, духи не обладают запасом памяти?

– А я как раз думаю, не закрыть ли тебя на ночь, – широко улыбнулась я.

У духа стало такое забавное ошарашенное лицо:

– Но я же тебе объяснил, как это страшно – быть в зеркальном коридоре!

Я не знаю, что на меня нашло и какой бес в меня вселился, но уже через секунду я уперлась кулаком в зеркальную поверхность и зло цедила:

– Я не представляю? Действительно. А ты представляешь, что такое проснуться в другом мире? Я не ждала, не просила, да у меня новая жизнь начиналась. И только хотелки твоей хозяйки выдернули меня сюда. Поэтому прикуси свой бесплотный язык и отыщи в себе зачатки вежливости. Иначе ты

будешь закрыт навечно, а я обновлю гардероб и куплю другое волшебное трюмо.

– Ждать придется, – буркнул дух.

– А я нереально терпеливая, – отозвалась я. – Так что, морда потусторонняя, слушаться будешь?

Думал он недолго, из чего можно сделать простой вывод: волшебное трюмо – штука дорогая, но не эксклюзивная, а значит, при случае его можно будет заменить. И что самое главное – зловредный дух мне не друг, следовательно, нужно держать язык за зубами. Эти полгода еще нужно прожить, и прожить их в своих комфортабельных покоях, а не в камере или монастыре. Мало ли что потребуется сделать ради возвращения домой? Или куда-то пойти.

– Расскажи-ка мне о сегодняшнем дне. Я, во-первых, даже не представляю, сколько сейчас времени, какой день недели. И какое время года – тоже. Во-вторых, я… Хотя давай-ка вначале разберемся с "во-первых".

Кошачья морда растаяла, а вместо нее появилось изображение большого города, полного узких улочек, изящных башен и небольших особнячков с красными черепичными крышами. Закадровый заунывный голос вещал:

– Только учти, что я все же по нарядам и обучающих материалов в мои кладовые не положили. Траарн – королевство магов, и столица его носит то же имя. Само королевство небольшое, оно сильно своими союзниками – твоим родным Редгеном, человеческим государством, чьего названия я не

знаю, а также эльфами. Часть столицы занимает Траарнская Академия Магии, от которой ведет прямая широкая улица сквозь весь город, и обрывается она у Эльфийского Моста. Без приглашения ни людям, ни магам, ни оборотням не дано пройти на Дивный Остров. Если верить путешественникам, то эльфийское государство парит над землей. Но это не доказано. Сегодня, на новый манер, восьмое йюня. Прошлые названия месяцев мне уже неизвестны.

– Йюня?

– Эта идея принадлежала одному из магов-прорицателей. По его словам, такое именование месяцев имеет больший смысл и отражено во многих мирах. – Зеркальный дух скептически хмыкнул. – Сейчас послеобеденное время. Королева Мэврис всегда присутствует на завтраке и ужине, а вот обедать она предпочитает в своих покоях. Это является ужаснейшим попранием траарнских традиций, но пока никто не осмелился возразить Ее Величеству.

– Она пыталась убить свою дочь? – прямо спросила я.

Панорама города пропала, и передо мной вновь появился зеркальный дух.

– Мэврис Ильсин Траарнская была редгенкой до мозга костей. Она впитала свою культуру с молоком матери и должна была стать сильнейшим магистром-пространственником, занять свое место в Совете Магов. И пусть беременность и роды лишили ее магии, но Черная Волчица никогда бы не

подняла руку на щенков. В Редгене женщины и дети неприкосновенны. Нет такого происшествия, которое бы оправдало подобное преступление.

– А если женщина совершит убийство? – напрямую спросила я.

– Есть особая разновидность яда, «солнечный сон». Тот, кто его примет, уйдет тихо и благостно.

– А если женщина убьет ребенка, – нахмурилась я, – разве ее не следует как-то жестоко умертвить?

– К больным проявляют снисхождение и казнят при помощи «солнечного сна». А психически здоровая женщина на щенка руку не поднимет.

В голове толкались сотни вопросов, но главным был один:

– Мэврис Ильсин Траарнская – человек?

– Нет, – лаконично ответило зеркало. – Все, я больше не могу с тобой болтать – магия кончается. Или к ужину выйдешь в этом же наряде.

– Рассчитываю, что к ужину ты включишься, – проворчала я и отвернулась от помутневшего зеркала. Дух гордо хранил молчание, хотя, скорее всего, он просто меня не слышал.

Я махнула на него рукой, заглянула в ежедневник Мэврис, узнала, что в нем ничего нового не появилось, и решила искать обещанную библиотеку. Все же первый осмотр королевских покоев был довольно поверхностным. С другой стороны, королева вполне могла назвать «библиотекой» и те книги в продолговатой тумбе. Неясно, как у них тут с кни-

гопечатанием дело обстоит. Для некоторых земных эпох десять-пятнадцать рукописных книг – это уже ого-го и повод для гордости.

Первым делом я решила как следует исследовать кабинет. Войдя, сразу осознала: вот мое любимое место во всех покоях. И оно явно предназначено для личных нужд. Почему? Потому что кабинет был очень мал и явно не имел гостевых мест. Серо-стальной шелк на стенах, изящные черные стеллажи с книгами и истрепанными тетрадями, такой же черный стеллаж с набором странных инструментов и чем-то заполненных емкостей. Фактически стеллажи и шкафы занимали три стены из четырех. Четвертая была занята огромным окном с широченным подоконником. Здесь наверняка очень приятно читать во время дождя. Массивный рабочий стол стоял напротив окна. Немного неудобно, ведь когда сидишь за ним, то по правую руку входная дверь. Как-то неприятно, слишком близко.

Подойдя к окну, я заметила разводы на стекле, как будто кто-то возюкал по нему мокрым носом. Думаю, смогу угадать, чей нос оставил эти отметины, – синеглазая волчица.

Вернувшись за стол, чуть поморщилась от слишком яркого света – солнце било прямо в глаза. Но стоило мне вскинуть руку, прикрывая лицо от безжалостных лучей, как стекло немного потемнело. Ничего себе, прекрасный сервис. Спасибо.

Ящички стола легко выдвигались, ни единого замка я не

обнаружила. Зато нашла стопку книг на левом краю. «Этикет Траарна, или Почему нарезать мясо кинжалом – прошлый век», «Три правила достойной королевы» и «Шесть мгновений позора: почему я не выучила это раньше?!» – думаю, это приготовлено для меня. Вот только пугает, что многообещающие три правила королевы по толщине тянут на шеститомник, сведенный под одну обложку.

В любом случае для чтения я выбрала ту книжицу, что мне подсказал Шелтис. Который явно чувствует, когда его вспоминают, – иначе чей истошный мяв доносится из-за двери?

– Твоим связкам все заклятья нипочем? – проворчала я. – Стук в дверь никто не слышит, а вот Его Кошачество – пожалуйста, хоть заслушайтесь.

Едва я открыла дверь, он проскочил у меня под ногами и взлетел на подоконник. Хм, это он, что ли, так стекло обсопливил? Не припомню, могут ли кошачьи носики оставлять следы на стекле? Если вспомнить моего Ферджинальда, то он, беспородный дворовый кот, в стекло носом не тыкался. Он просто орал до тех пор, пока ему не открывали все окна и двери, чтобы его Разбойное Величество могло выйти в свет и выяснить, кто там зарится на соседскую кошку. Эх, знала бы, кто его украл, – придушила.

Отбросив лишние мысли, я открыла брошюрку. Шрифт был раздражающе мелкий, поэтому я читала только заметки и подчеркнутые линии.

«На первый взгляд, различий между Траарном и Редгеном мало», – писал неизвестный автор. А на полях чернело: «Если ты слеп, то да, их практически нет».

«В Траарне нет культа материнства и детства, маги склонны наращивать собственное могущество и оставлять детям свободу выбора».

«Здесь трехлетние дети предоставлены сами себе, а целители не всегда принимают беременных женщин», – уточняла Мэврис.

Различия в еде и напитках нисколько не заинтересовали королеву, она только небрежно черканула, что все достойные специи давно покорили редгенскую кухню, а остальной мусор оборотням не нужен. Эту строчку я перечитала дважды. Оборотни.

То есть теоретически я могла проснуться не просто в другом мире и другом теле, но еще и в мохнатой шкуре?! Более того, эта возможность у меня явно сохраняется – тело-то принадлежит Мэврис.

Закрыв книжицу, я тщательно прислушалась к себе, не скребется ли у меня внутри кто-то? Все же земное фэнтези и фантастика склонны наделять оборотней двойным сознанием. Помедитировав, я поняла, что изнутри скребется только голод. И легчайший намек на подступающую панику – все же каких-либо по-настоящему сильных чувств я не испытывала. Либо я просто сильная и волевая женщина (хотелось бы), либо до сих пор действует приказ короля «Успокойся» (ве-

роятнее всего).

Тут брошюрка порадовала еще одним ценным замечанием: «Хочешь быть правильной траарнкой – хвали мужчину и принижай себя. Можешь сделать что-то сама? Умоляй сделать это своего мужчину, иначе он обидится и уйдет от тебя. Быть траарнкой – тоскливо, останусь верна Редгену». Это была последняя запись, да и по страницам было видно, что дальше Ее Величество читать не стала.

А я была не настолько горда и дочитала до конца. Забавное вышло чтиво – я не подходила ни Редгену, ни Траарну. Для первого я недостаточно боготворю детей (я их люблю, но в книге описано нечто запредельное), а для второго я недостаточно боготворю мужчин. Интересно, где живут такие, как я, – неужели только в России?

Глухой, но громкий стук заставил меня вздрогнуть, а это всего лишь Шелтис спрыгнул со своего подоконника.

– Ты знаешь, что коты – это создания на мягких лапках? Бесшумные и неуловимые?

Шелтис выдал презрительный фырк в мою сторону и подошел к двери. Прежде чем я успела вскочить и открыть ему выход наружу, он со всей силы боднул деревянную панель лбом и прошел сквозь ставшую прозрачной дверь.

– Теперь понятно, как ты оказываешься там, где не надо. Интересно, двери личного кабинета короля так же легко исчезают? – проворчала я и вышла следом за котом.

– А я уж и не чаял, – саркастично раздалось от трюмо. – Ты ничего не знаешь о королеве, но перенимаешь все ее дурные привычки. Как, например, манию опаздывать.

– Опаздывать туда, где тебя не хотят видеть, – особый вид удовольствия, – отмахнулась я.

– Это почему же?

– Так ведь там уже радуются тому, что меня нет. Может, даже втайне рассчитывают, что королева скончалась в страшных муках. А тут вот она я.

– Вот она ты, которая не знает, где малый обеденный зал, – поддело меня зеркало. – Стоило все же поторопиться, чтобы потом сделать вид, что гуляешь. И «догулять» до обеденной залы.

А вот об этом я как-то не подумала.

– Не ворчи и показывай уже, что ты планируешь на меня надеть.

Дух покорно отразил мое новое тело в темно-грозовом платье. Если то, в котором я была сейчас, посветлее, то будущее обладало прямо-таки убийственно насыщенным цветом. И вышивка на нем была не серебром, а угольно-черными нитями. Расшитый черными камнями лиф обещал сдавить ребра до удушья, но я уже убедилась, что тело Мэврис давно привыкло к корсетам. Благодаря этому я не ощущала никаких неудобств.

– Хочешь сменить макияж и прическу?

– Отрази меня, – выглядела я по-прежнему свежо, – нет,

не нужно. Смени украшения на соответствующие платью. И да, я хочу, чтобы ты использовал только те украшения, которые носила Мэврис. Если у тебя есть что-то из того, что она избегала надевать, – запрещаю тебе это использовать.

– Воистину, Мэврис притащила свое отражение, – ответил мне на это дух. – А может, ты бы смогла найти общий язык с королем? Если бы отдавала должное его подаркам?

– Зачем? – искренне удивилась.

– Действительно, один в один.

Я не сразу поняла, что на мне уже новое платье, а дух исчез. Зеркало вновь стало мутным, а Шелтис попросился на выход. Я присела перед ним и спросила:

– Ты покажешь мне дорогу в малый обеденный зал?

Вот раньше мастерами душераздирающих вздохов я считала кокер-спаниелей. У подруги была вечно голодная кокерша, есть в гостях было невозможно – собака провожала взглядом каждый кусок и мастерски притворялась некормленой. И вот сейчас этот трагичный звук я услышала от кота. После чего тот как-то коротко мявкнул и подошел к двери. Мол, что с тебя, убогонькой, взять.

– Прости, хаэтэ Шелтис, я ведь не сразу поняла, что тебя хозяйка бросила, – повинилась я и встала. – Но она вернется. Надеюсь.

Ведь если я – здесь, то она – там. И я даже морально готова лишиться должности. Потому что вряд ли она вдруг научилась работать на компьютере и вежливо игнорировать

бóльшую часть коллектива. Ничего, главное, чтобы ее в дурку не упекли. Оттуда мне будет тяжело выйти.

Шелтис уверенно вел меня по хитросплетениям дворцовых переходов. И я, если честно, порядком утомилась поражаться изысканной роскоши. Лепнина и расписные потолки слились для меня в какую-то единую цветовую массу.

Кот остановился у двустворчатых дверей. Остановился и принялся намываться, будто давая мне возможность вдохнуть поглубже и подготовиться к ужину. В том, что за дверьми скрывался именно малый обеденный зал, сомнений не оставалось – чудились еле уловимые запахи еды и отголоски разговоров. Думаю, за это стоит благодарить оборотническую природу моего нового тела. Хм, может, именно поэтому мои покои так старательно обработаны магией, что люди даже постучать не могут? Точнее, могут, но…

Так, хватит. Подбородок выше, спину прямее – и вперед. Черт, какую дверь открывать, правую или левую? Или распахнуть их пинком, да так, чтоб об стены срикошетили?

Едва я сделала пару неуверенных шагов, как двери открылись сами. И чуткий слух подарил мне чью-то полную яда реплику:

– А по нашей королеве можно время сверять – ровно на две минуты опаздывает. Всегда.

– Тише, она же оборотень.

– Кончилось все ее оборотничество, – фыркнула все та же придворная гадюка.

И я бы смогла ее вычислить, вот только людей в зале толклось с полсотни. Да и сам зал было неправильно называть «малым» – здесь поместился бы школьный спортзал вместе с раздевалками и каморкой учителя.

Замерев на входе, я позволила собравшимся полюбоваться на меня и заодно осмотрелась. Тонкие колонны, обилие кадок с зеленью, несколько крошечных фонтанчиков и клетки с разноцветными птичками. И длинный накрытый стол, от которого исходит еле уловимый аромат чего-то очень вкусного. Вот только все блюда прикрыты какой-то радужной пленкой. Хм, магический аналог защиты от заветривания?

У клетки с самой крупной птичкой стоял король. Стоял и о чем-то разговаривал со своим другом, тем самым, которого я пыталась шантажировать. Увидев меня, Его Величество тут же поспешил оставить разговор. Чтобы дойти до своей жены, ему потребовалось меньше минуты.

– Вы заставляете себя ждать, – негромко обронил король.

– Разве? – удивилась я и постаралась улыбнуться. – Примите мои искренние сожаления. Мне, право, неловко, что вам приходится меня ждать.

Очевидно, король предпочел понять мою фразу как скрытое оскорбление. Иначе почему он страдальчески заломил бровь и спросил:

– Так почему же вы еще не воспользовались своим правом

покинуть дворец?

Ох, а почему это, собственно, Мэврис не воспользовалась этим правом? И вот что ему ответить? А ничего не буду отвечать. Поэтому я просто чуть пожала плечами и небрежно произнесла:

– Красивая птица.

– Вы удивительно наблюдательны, Ваше Величество, – негромко бросил подкравшийся Ястреб. – И неудивительно жестоки – все эрт-шехранны меняют цвет перьев перед смертью. К сожалению, эти птицы не живут в заточении.

– И вы не можете просто взять и открыть клетку? – вскинула я бровь.

– Это ваше желание – ежедневно за ужином наблюдать эрт-шехранн, – напомнил мне король и тут же прищурился, – вы забыли об этом?

Изобретать отмазку пришлось на ходу, и, надеюсь, она получилась достаточно изящной.

– С чего бы мне забывать, Ваше Величество, – в тон ему отозвалась я. – Эти птицы прекрасны. Но вот что мне интересно: кто же мешает вам, такому добросердечному монарху, заменять старых птиц новыми? Отпускать на волю тех, кто близок к смерти?

От моего пассажа опешили и король, и его друг. Сейчас как выяснится, что эти птицы стоят как годовой бюджет королевства.

– Интересная постановка вопроса, – усмехнулся король. –

Вы желаете лишь любоваться птицами, а я должен решить, кого пощадить – эрт-шехранн или своих людей, которым придется проникать в самую чащобу Шехраннского леса. Что ж, Ваше Величество, извольте любоваться, как эрты меняют цвет. Каждая погибшая птица будет передана магам, и вскоре этот зал будет называться залом птичьих чучел.

Я отвела глаза. Птиц было жаль. И было совершенно непонятно, что двигало Мэврис, когда она пожелала отловить этих чудесных созданий.

– Позвольте проводить вас к столу.

Король старался не касаться меня. Сохранял дистанцию так, будто вместо молодой и красивой женщины рядом с ним идет грязная и вонючая нищенка. Хотя чему удивляться – Линед уверен, что Мэврис пыталась убить их дочь. В то время как зеркало утверждает, что редгенка на такое не способна. Где найти правду? И самое главное, нужно ли мне ее искать?

Посадив меня с правой стороны, Линед занял свое место. И по его левую руку немедленно устроился Ястреб. Это стало сигналом для придворных. Что интересно, с противоположного конца стола никто не сел, там поставили курильницу благовоний.

– Странно, что наш король еще не приказал избавить его от обузы, – донесся до меня тихий шепот.

– Тише ты, вот ведь бестолковка. Все надеешься увлечь Его Величество? А вот закуси губу – не может наш король

спать ни с кем, кроме законной жены. Это плата за сильных детей. Мне бабушка говорила!

– Бред, что-то в первом браке ему эта традиция не сильно помогла. Так что вряд ли это правда.

Я жадно прислушивалась к этому диалогу, но тут вокруг начали сновать слуги, раскладывать еду и разливать напитки. Проблем с застольным этикетом у меня не возникло – сотни вилочек и ложечек здесь не было. Вернее, блюдо подавалось сразу с приборами. И пусть еда была божественно вкусной, я все равно сердилась – застольный шум размывал интересующий меня диалог. Но я и так услышала немало. Значит, Линед может спать только со своей женой. Что ж, следует наладить отношения с супругом. А то мало ли он за полгода целибата озвереет настолько, что прикажет удавить нелюбвеобильную супругу?

«Интересно, Мэврис за рождение детей заплатила своей магией, что же отдал Линед? Неужели его коснулись только ограничения в сексуальной сфере? И почему он еще не воет под дверью супруги? Не думаю, что бывшая владелица тела дала ему напоследок».

Конец ужина принес мне несколько неприятных сюрпризов – придворные змейки опять активизировались, но ничего путного не сказали. Только облили ушатом помоев. И с этим придется что-то делать. Они ведь должны понимать, что королева редгенка, оборотень и слышит каждую фразу. Каждый переполненный ядом звук. Что это значит? Это зна-

чит, что юные леди просят устроить им праздник жизни. А разве порядочная королева может отказать своим подданным? Надо только узнать имена и немного обдумать, кого и как наградить за длинный язык.

– Ваше Величество, – обратился ко мне супруг, – после ужина я желаю прогуляться с вами в саду.

– Как вам будет угодно, Ваше Величество, – отозвалась я. – Ответьте мне один вопрос: кто эти леди – третья, четвертая и пятая с конца стола?

– А вы не знаете? – удивился король.

Я настолько часто прокалываюсь, что даже перестала этого бояться. Да и в голосе супруга больше издевки, чем настоящего удивления.

– И не знала и забыла, – усмехнулась я. – Но полагаю, что эту напасть мне навязали вы. Иначе почему не получается от них избавиться?

– Колдовской Венец дает не только преимущества, но и накладывает ограничения, – прохладно заметил Ястреб.

Перегибаться через короля, чтобы заглянуть милорду в глаза, я посчитала глупым. Поэтому бросила в пустоту:

– А можно список моих преимуществ?

– Видят Боги, сейчас Венцом владеет единственная женщина, которой он не нужен. – Линед коротко усмехнулся. – Мэврис, я не пойду у тебя на поводу. То, что ты сделала, – непростительно.

– Я не пыталась убить свою дочь, – холодно бросила я. – А что касается Венца… Быть может, я та единственная, которой он ничего не может дать?

На мой вопрос никто ничего не ответил – Линед пытался уложить в голове прямой отказ от покушения на ребенка. Все потому, что после недолгих размышлений я больше верю духу. В Редгене по каким-то причинам трясутся над каждым ребенком. Не могла женщина, гордящаяся своим происхождением, нарушить главнейший закон своей родины. Осталось только узнать, что именно пыталась сделать Мэврис – стояла над кроваткой с ножом в руке или, к примеру, втянула дочь в сомнительный ритуал? К слову, как я поняла, в Редгене дочерьми занимаются только матери. И да, проводят над девочками всяческие ритуалы. Это я узнала из последней главы той брошюрки.

– Ильштара выжила, но какой ценой,– вновь подал голос Ястреб.

А Линед внезапно напрягся и в упор посмотрел на меня:

– Я слышу, когда мне лгут. Ты сказала правду. Тогда для чего была искалечена девочка?

– Ты не думаешь, что я могла желать ей добра? – вскинула я брови.

– Добра? У нее не осталось даже крошечного шанса получить родовую силу и передать ее детям, – процедил король.

Негромкий кашель Ястреба заставил Линеда замолчать. Его друг и советник с осуждением произнес:

– Я поставил сферу помех, иначе окружающих придется казнить. И можете не благодарить.

– Не стоило привлекать внимания – Линед взял себя в руки. – Мы поговорим в саду. Обо всем.

Я прищурилась и едко спросила:

– Отчего же в саду? А не в…

– Замолчи, – коротко, без эмоций произнес он.

А я поперхнулась собственными словами – они застряли где-то в горле и ни в какую не пожелали выходить. И с этим мерзавцем я хотела наладить отношения и постель?!

Все оставшееся время я провела в попытках заговорить или хотя бы замычать. Но связки будто онемели, в горле встал ком – такой, будто я собираюсь неудержимо зарыдать. От этого на глаза наворачивались слезы. Не потому, что мне было так обидно, а потому, что это было действительно больно.

Слуги принесли десерт, но я даже не пошевелилась. Вперив взгляд в пустоту, я просто ждала, пока это все закончится. Внутри превращались в прах остатки надежды на необычный полугодичный отпуск. Я могла бы вернуться в свой мир и с теплом вспоминать это время. Но, похоже, после возвращения мне потребуются услуги психолога. Вот только что я смогу ему рассказать?

Супруг что-то сказал, но из-за шума крови в ушах я его не услышала. Бросив на него мимолетный взгляд, поднялась на ноги и вышла из-за стола.

– Разрешаю говорить, – негромко сказал Линед.

Вероятно, этакое послабление он сделал ради придворных, захотевших к нам подойти. Очень зря он разрешил мне говорить и при этом не использовал свое коронное «успокойся». Среди воркующей вокруг нас толпы были и эти три сплетницы, в которых я просто ткнула пальцем:

– Ты, ты и вот ты – чтобы к утру вас не было во дворце. «Кончившийся оборотень» в моем лице устал выслушивать ваше ценное личное мнение по тем вопросам, что касаются только меня.

На девиц было приятно посмотреть – две побелели от ужаса, а вот третья раскраснелась от злости.

– Я подданная Траарна и не буду подчиняться редгенской су…

Одна из подружек залепила скандалистке рот. Воцарившаяся тишина приобрела какой-то особенный оттенок. Двор ждал, что решит король.

– Удивительно, и что это мне не нравится ваш Траарн, мой дражайший супруг? – хмыкнула я и, глядя в глаза мужу, четко произнесла: – Все будет так, как хочу я.

– Иначе что? – усмехнулся Линед.

А я, уже начавшая выбираться из притихшей толпы, полуобернулась и удивленно ответила:

– Иначе? Иначе ничего. Я знаю, что вы не сможете удалить их от двора. Точнее, что вы не захотите этого делать, в пику мне. Но зато я получу полное право не появляться на сов-

местных трапезах. Можете назвать меня королевой-затворницей, потому что видеть вас… Ну такое удовольствие, ниже среднего.

– Замолчите, – бросил Ястреб.

И вот тут мне стало очень больно и обидно и за себя, и за Мэврис. Ведь «волшебное слово» сработало. Ну же, кто еще способен управлять шарнирной куклой, то есть, простите, королевой?!

Уйти мне не дали. Король, чтоб ему провалиться в отхожую яму, перехватил меня за талию, поймал руку и как-то демонстративно спокойно улыбнулся:

– Леди Иссинель, леди Милань и леди Тарин покинут дворец сейчас, не собирая вещей. В том, что есть. Ваши платья и украшения, за исключением фамильных драгоценностей, будут обращены в пепел на площади Трех Фонтанов. Корона возместит убытки вашим семьям. Я надеюсь, все помнят, какие ограничения следуют за подобным наказанием. А вы, моя возлюбленная жена, не молчите, если услышите, что наши подданные забыли правила хорошего тона. Я ваш супруг, ваш король и ваш защитник.

Мне оставалось только давить улыбку и склонять голову, якобы в смущении. Что ж, Линед, ты не дурак и понимаешь, что, оскорбляя королеву, они оскорбляют и тебя. И произойди это все до того, как твой дружок заткнул меня колдовством, я бы впечатлилась. Может, даже восхитилась. Хотя мне и непонятно наказание. Сжечь вещи – зачем?

Так, удерживая мою руку, Линед вывел меня в сад через узкую, неприметную дверцу. Ястреб последовал за нами, но строго до определенного момента. Едва мы немного углубились в густую зелень, как друг и товарищ моего навязанного супруга отстал.

Ком в горле пропал внезапно. До того, как король разрешил мне говорить.

– Это была очень некрасивая сцена, Мэврис. И я…

Задорно-звонкий звук оплеухи должен был донестись даже до дворца, но пространство вокруг нас вскипело радужной пленкой. Полагаю, это какая-то шумоизоляция.

Король медленно прикрыл глаза, на его скулах заходили желваки. Наверное, сейчас он отправит меня в казематы, а там и на плаху. Например, за покушение на жизнь правящего монарха.

– Согласен, заслужил, – процедил он. – Однако, Мэврис, не советую тебе распускать руки в будущем. Тебя есть за что наказать, и за дверьми спальни я могу дать волю и своей злости тоже.

– Только своей? – едко спросила я. – Или твой дружок тоже со мной что-то сделает? Исключительно по-товарищески? Почему бы и нет, он же может заткнуть королеву.

– Лорд Эрсталь принесет свои извинения, – с трудом сдерживая ярость, произнес Линед. – Он был неправ, но, видят боги, Мэврис, у меня поперек горла стоят твои истерики. Я

понимаю, что ты редгенка, что у тебя темперамент, но побойся хоть чего-нибудь – ты королева Траарна! У нас не разводятся, и отправить тебя в монастырь я тоже не могу, хотя очень, очень хочу. Мы давали клятвы не злоумышлять друг против друга, мы связаны до конца жизни, Мэврис. Очнись. Как бы гнусно ты себя ни вела, из Траарна тебя никто не отпустит.

Я сглотнула, порадовалась, что монастырь мне не светит, и светски осведомилась:

– Если тебе не нравилось мое поведение, почему ты не спросил меня: Мэврис, может, тебе нужна помощь? Может, ты хочешь кого-либо отослать от двора? Почему я должна выслушивать все это и быть хорошей королевой?!

Бить приходилось наугад, но я все же надеюсь, что королева была адекватной женщиной, готовой к диалогу. И что никто не догадался поговорить с племенной коровой по душам. А та просто озлобилась и принялась мелко мстить. По большому счету меня не слишком сильно задевают выпады мелких гадюк. Но одна из них подозревала, что я могу это услышать. Подозревала, но ничего не сделала, не заткнула свою подругу. Нельзя было это игнорировать. В противном случае можно обнаружить в своем чае мышьяк. Или что у них тут в ходу? На пути к трону и постели короля в ход идет все.

– Ты сама знаешь, какая сложная была ситуация, – тихо ответил король. – Но я уже давно понял, что был неправ. Ко-

гда ты поймешь, что выбора у нас с тобой не было? Старший сын твоей сестры оказался слишком слаб и не смог принять родовой дар. А после того, как мы собрали все необходимые артефакты для повторной попытки…

– Она умерла, рожая тебе дочь, – охрипшим голосом произнесла я.

Да что творится в этом мире?! Получается, что Райан – племянник этого тела? Мой племянник?

– И ты не перестаешь меня этим попрекать, хотя вина лежит на Редгене. Это вы ослабили леди Иварис, это вы лишили ее почти всех колдовских сил.

– Мы не…

– Да, вы «не». Вы не лишали ее, вы просто не давали ей учиться, развивать свой дар и расти над собой. И как итог Траарн получил магически слабую королеву, которая не смогла дать династии достойно одаренных детей.

Я смотрела на короля и понимала, что на месте той загадочной леди Иварис поступила бы так же. Зачем, ради чего рвать жилы, учиться и становиться сильной ведьмой? Ради того, чтобы отдать магию чужой стране?

– Я устала, Ваше Величество, – безразлично произнесла я. – И хочу уйти.

– Ты прячешься в своих покоях и назначила собственного племянника пастухом кота. Ты мстишь не только мне, но и покойной сестре. Картрис, Мэврис, не только высшее колдовское звание. Но еще и особое состояние души. Просвет-

ленное.

– Так я и не Картрис, – спокойно ответила я. – И, к слову об особом состоянии души, я не собираюсь прощать лорда Эрсталя. Вы от моего имени можете выписать ему и прощение, и даже поощрение. А я этого унижения не прощу никому.

Надеюсь, он понял, что его поступки тоже однажды будут возвращены сторицей.

– Я должен знать, Мэврис, что произошло той ночью. Почему ты была найдена у постели дочери, почему ты была без сознания и почему в девочке больше нет нашей родовой силы.

– Я никогда ни словом, ни делом, ни мыслью не желала смерти своим детям, – четко и обстоятельно произнесла я. – А что там с вашей родовой силой, Ваше Величество, разбирайтесь сами. Лично я считаю, что теперь у Ильштары есть шанс на нормальную жизнь.

Так, я примерно понимаю, куда идти, чтобы выйти ко дворцу. А там поймаю первого попавшегося слугу и прикажу проводить меня в покои.

– Никто ничего не заметил, Мэврис. Твоего унижения ни двор, ни слуги не видели. Я отвел всем глаза. – Он криво улыбнулся. – Что бы ты обо мне ни думала, а выставлять на всеобщее обозрение наши шаткие отношения я не собираюсь.

– То есть вы признаете, что унижение все же было? – оста-

новилась я.

Тишина была мне ответом.

Хватать слугу мне не пришлось – меня встречал лично хаэтэ Шелтис. Кот показал короткий путь и уже в покоях, переодетая зеркальным духом в пижаму, я разрыдалась.

– Доброй ночи, Ваше Несчастное Величество, – печально произнес дух. – Доброй ночи, слезы очищают душу.

Да черта с два. Клянусь, что это мои последние слезы. Дальше плакать буду совсем не я.

Глава 3

Как выяснилось, у королевы Мэврис были свои очень особенные понятия о приятном пробуждении. Спасибо Шелтису, я проснулась до того, как постель превратилась в бассейн со льдом. Всего на несколько секунд, но чувствую, что дивные ощущения не оставят меня до самого вечера.

– Ты что-нибудь знаешь об этом? – требовательно спросила я у зеркального духа.

– У королев свои причуды, – снисходительно бросил тот в ответ.

– Ты обновился за ночь? Старая память слетела? – Мне стало дурно от одной мысли, что укрощение строптивого духа придется проводить заново.

– Да не знаю я, – обиделся дух. – Я же по шмоткам да по украшениям. Никто со мной особо и не разговаривал, вот, на тебе учусь общению. Могу только предположить, что это помогало Ее Величеству просыпаться. Она же ночами сидела в своем кабинетике – мне всегда было видно, как она под утро к постели выходит. И я же потом ей темные подглазья замазывал. Ну что, сушиться и одеваться?

– Зубы надо почистить, – вздохнула я и поднялась на ноги.

Утренний туалет у меня много времени не занял. Все же дух был очень полезным. А за то время, что я была в ванной комнате, он еще и подобрел. Или решил подлизаться, что

прямо указывает на резко возросший уровень разумности. В любом случае он посоветовал осмотреть изголовье кровати – там может быть пластинка с изображением льда или воды. Мол, заколдовать кровать Мэврис не могла, значит, мастер изначально встроил такую освежающую фишку.

Так оно, кстати, и оказалось. Нашла я пластинку с изображением льда и, от греха подальше, сковырнула ее с постели. Фух, завтрашнее утро покажет, кто прав. Дух-то считал, что достаточно ее просто не трогать. Но я-то и не трогала!

– Будем выбирать платье? – Закинув пластинку в кабинет, я села перед духом.

– Ты уже поняла, что у королевы любимые оттенки небесного цвета. В редкие, крайне редкие дни она надевала платья в нежно-голубых тонах. Все остальное время Мэврис отдавала предпочтение сумрачно-грозовым цветам. Поэтому советую выбрать вот это серо-стальное платье. Оно хорошо тем, что к обеду переодеваться не нужно, достаточно добавить агатовый гарнитур.

Вероятно, свой любимый красный цвет я на себе увижу только на Земле. Что ж, подожду. В конце концов, что-что, а роскошные платья с корсетами мне в обычной жизни надеть некуда. Так что серый цвет – это нестрашно. Тем более что наряд идет мне. Как и сложная коса со скромной черной лентой. Кстати, о ленте:

– А это разве не траурный знак?

– В Редгене – нет, – отозвался дух. – У вас траурный цвет

очень сложный. Вот знаешь, когда угли подергиваются серым пеплом, но краснота еще немного видна? Вот он самый.

– Но это платье близко к этому цвету, – напряглась я. – Кто-то умер?

– У королевы умерла сестра, но траур затянулся.

В задумчивости я поднялась и отошла к окну. Что же здесь происходило раньше? Мэврис «унаследовала» мужа сестры. Сестра умерла, пытаясь родить правильного или «удачного» ребенка. Думаю, что заменить Мэврис не мог никто. Ну не мазохист же король?! И не садист – имей он такие склонности, я бы это уже прочувствовала.

Кажется мне, что в этой ситуации все хороши. Но и продолжать войну я попросту боюсь. Вчера был мой бенефис – не каждая может дать пощечину королю. Больше того, не каждая вообще может отвесить кому-либо оплеуху. И я раньше никогда себе этого не позволяла. Не позволю и впредь. Умные люди понимают, что на удар когда-нибудь последует ответ. И королевский "ответ" я могу и не перенести. А значит, демонстративный траур пора прекращать. Постепенно налаживать отношения с королем и постараться провести время интересно и без скандалов. Что будет со всем этим делать Мэврис – не мои проблемы. Я, может, еще и сама себе глаз подобью перед обратным обменом.

– Ты можешь показать мне все платья, которые носила королева?

– В смысле, изображения? Я каждый раз создаю новое

платье из запасов старых тканей и, – тут дух замялся, – скоро потребуется обновить запасы.

– Казна опустела?

– После замужества Мэврис потеряла доступ к деньгам своей семьи, а казной супруга пользоваться не пожелала. Она вскользь об этом обмолвилась своему брату, а мне было слышно.

– Ладно, показывай.

На экране появилась полноценная буря. Вот уж точно, все оттенки грозы и редкие нежно-голубые вкрапления чистого неба. Что ж, изменения не должны бить в глаз, а значит, выбирать нужно из старого.

– Так, верни первый вариант, траурный, – нахмурилась я. – И сделай розовый насыщенней. Чтобы получился розовый шелк со стальным отливом. Это же уже не траур?

– Такой цвет не носят, – отозвался дух.

– Запрещено? Суеверия? Нет? Вот и хорошо. Делай. Теперь посеребри ленту и укрась агатовой крошкой.

Со всеми этими переделками мы изрядно задержались, и на туфли времени не хватило. Что ж, меняя одежду, я оставляю временные привычки Мэврис нерушимыми.

Шелтис вновь провожал меня до малого обеденного зала. Ну как провожал – в этот раз он шел рядом и проверял, точно ли я запомнила дорогу. Это было приятно, и я даже начала себя готовить к тому, что он заговорит. Хотя искренне надеюсь, что этого не произойдет. Говорящий кот, да еще и с

такой выразительной мордой – уверена, что ничего хорошего и доброго он не скажет.

Едва открылись двери и я шагнула в зал, там воцарилась мертвая тишина. Король шел ко мне и чуть ехидно усмехался.

– Доброе утро, Ваше Величество, – поприветствовала я супруга.

– Доброе утро, Ваше Величество, – отозвался Линед. – Только что состоялся отъезд не только трех отчужденных леди, но еще и семеро лордов решили покинуть нас.

– Какие проницательные лорды.

Лично мне эти самые лорды ничего плохого не сделали. Но раз они решили покинуть двор сразу после того, как королева пожаловалась мужу… Они третировали Мэврис? Почему же она молчала?

«А потому что она считала мужа врагом. И вполне могла решить, что все гонения происходят с его ведома и по его приказу», – пришла мне в голову неожиданная мысль. Пришла и осталась, поскольку на первый взгляд эта теория казалась очень логичной.

– Сегодня будет удивительно тихо, – хмыкнула я. – Помимо спешно убывших отсутствуют все прочие леди. Если глаза мне не изменяют.

Муж помог мне сесть и коротко усмехнулся:

– Леди сказались больными. На тот случай, если вы все

еще сердиты. Никому не хочется лишиться всех вещей.

– Я так и не поняла, зачем вы желаете сжечь их вещи, – осторожно заметила я. – И заплатить за это деньги.

Все же если Мэврис так откровенно пренебрегала Траарном, она вполне могла этого не знать.

Король чуть поморщился и щелчком пальцев создал вокруг нас радужный купол:

– Старая традиция. Когда она зародилась, редгенцы еще не выходили за пределы Леса. У вас изучают историю Траарна?

С независимым видом я бросила:

– Вскользь, у нас очень много других дисциплин. Впрочем, вам это известно, Ваше Величество.

Линед слегка смутился и кивнул:

– Да, это верно. Кхм, что ж. На землях Траарна собралось огромное количество самых разных семей и колдунов-одиночек. Был собран Совет Магов, начал зарождаться королевский род, но проблемы оставались. С одной стороны, мы были обязаны принимать у себя беженцев с Дальних Земель, с другой стороны, они порой были жестоки и отвечали на приют черной неблагодарностью. Тогда и зародился обряд Отречения от дома. Этот обряд действует только на территории Траарна. Когда гость обижает хозяина дома, то последний вправе просить помощи и защиты у магии. Так обидчик лишается всей своей одежды, кроме той, что надета на нем, и изгоняется из приютившего его дома. И позднее он не может

принимать участие в общественной жизни ровно до тех пор, пока сам не пошьет себе новую одежду и не придет просить прощения. Если же обидчик решит обмануть и закажет готовое платье у швеи, то магия растворит его вещи.

Я пораженно кивнула. Древние маги знали толк в наказаниях. С другой стороны, не думаю, что для благовоспитанных девушек это такая уж проблема – они ведь занимаются рукоделием. Должны заниматься, по идее.

Линед явно был благодушно настроен и даже немного склонен к разговору, и этим было необходимо воспользоваться. Вот только сейчас меня интересует мерцающий вокруг нас радужный купол – его видят все? Или только те, кто внутри? Или только маги, а если так, то почему вижу я? Но Мэврис была сильным магом, и нет никакой надежды, что такой вопрос получится обосновать. Высшие силы, пожалуйста, пошлите мне кого-нибудь для допроса!

Но вместо этого провидение послало завтрак, который весьма неприятно удивил – каша на воде без масла и сахара, тонкие сухие хлебцы и крошечная пиала с матово-черными ягодами. Причем эти ягодки достались только мне.

Никого из придворных такой завтрак не удивил, так что и я, мужественно преодолевая отвращение, съела гадостную кашу и немного похрустела хлебцами. Затем отодвинула от себя тарелку и воздала должное местной чернике. К слову, довольно вкусно, но наша сочнее. Знать бы еще, отчего Его Величество так подозрительно на меня косится.

– Вы хорошо себя чувствуете, Мэврис?

– Превосходно, – ответила я.

– Как вам тайлиндар?

Окинув взглядом стол, я сделала вывод, что это название ягод.

– Суховат, но неплох, – осторожно ответила я.

– Значит, я и с полсотни моих предков были правы – дар возвращается, – усмехнулся Линед. – И только вы, Мэврис, в своем упорстве предпочли ничего этого не замечать.

Мне оставалось только отвести глаза. Откуда мне знать, что замечала, а что нет прежняя Мэврис? Тем более что ее больше беспокоила чья-то смерть, а не потеря дара. То есть и потеря дара тоже, но…

– Скажите, Ваше Величество, вы видите щиты? Люди без дара их не видят, для одаренных же любой щит похож на стенки мыльного пузыря. – Голос лорда Эрсталя звучал нарочито спокойно, но я подспудно ощущала его напряжение.

Отвечать не хотелось. Мало ли им нужна еще парочка «удачных» детишек? Особенно учитывая, что принцесса тоже пойдет по категории «неудачных».

– Я так понимаю, лорд Эрсталь лишен вашего внимания, – вздохнул король. – Тогда ответьте мне.

– Я не уверена, – нашла удобоваримую отговорку. – Щиты я вижу только ваши, милорд, а ягоды… Они могли испортиться.

Последнее я добавила наугад, поскольку не видела связи

между вкусом тайлиндара и наличием магии. Ничего, у меня до обеда много времени, и я знаю, что искать. Да и после обеда тоже – Мэврис выходила только к завтраку и ужину, что очень удобно, и менять это я не буду.

Больше мы не разговаривали. После завтрака Линед удалился в свой кабинет, придворные разошлись. Хотя про них будет правильней сказать, что они растворились в воздухе – настолько им было страшно оставаться с королевой. Вот так-то, ребята, теперь вы знаете, что король блюдет свой статус.

А я прошлась по залу, присмотрелась к хрустально-прозрачной воде и к ярким птицам. Одна из них – та, рядом с которой стоял король перед вчерашним ужином, – вздрогнула и уронила несколько перьев. Одно из них просочилось сквозь прутья клетки и, медленно кружась, опустилось на пол. Я следила за ним взглядом и отчетливо понимала: не желаю им зла. Совсем.

Линед Сехарейя Траарнский
Двадцать Седьмой Защитник Рубежей Траарна

Видя взаимную, искреннюю любовь отца и матери было сложно не позавидовать. Их брак, как и любой союз Защитника Рубежей, был династическим, договорным. Испокон веков отец брал в жены человеческую колдунью, их сын брал за себя эльфийку, ребенок от связи траарнца и дивной брал за себя редгенку. Наш с Мэврис сын начнет круг заново и

женится на траарнке. Пусть Боги ниспошлют ему большее счастье, чем мне.

Отец нашел подход к эльфийке, считавшей свой брак чем-то вроде заключения. Леди Илзарриель собиралась прожить в Траарне двадцать-тридцать лет и вернуться в Лес. Привязываться к человеку не входило в ее планы. Но отец, в отличие от меня, смог расположить к себе свою супругу. И, глядя на них, я верил, что тоже справлюсь. Оборотни не настолько высокомерны, не настолько отличаются от людей. Они куда чаще заключают союзы с нами. Но боги от души посмеялись над моими детскими мечтами. Первая жена была тихой и неприметной. Она не жаждала моего общества и все свое время проводила на солнце в саду. Уже потом я узнал, что она имеет проблемы с собственным зверем, постоянно мерзнет и не хочет жить. Но для нее и наших детей это знание пришло слишком поздно.

Мэврис должна была стать истинным украшением Траарна – сильная, умная, волевая женщина. Картрис Редгена, что для оборотней нонсенс, их женщины редко ступают на эту стезю. Я знал, понимал, что для моей второй жены нет ничего дороже магии. Но здесь у нас обоих не было выбора – именно Мэврис больше всех подходила для рождения траарнского принца. И если можно было пренебречь расчетами, то печати проигнорировать было нельзя.

– Коньяк с утра? Хотя завтрак уже был. Так что и я не

откажусь от глотка хорошего пойла.

Я не обернулся, только призвал второй стакан, наполнил и отправил другу.

– Иногда я жалею, – бросил в пустоту, и Эрсталь рассмеялся:

– Мой король сожалеет о своем Даре? Вера в Единого Бога набирает силу, люди вырезают всех, кто не подходит под заветы их больной религии. И только сила траарнских королей не позволяет фанатикам пересечь наши границы. Только твоя власть над колдовскими рубежами защищает Четыре Королевства. Дивные эльфы не гнушаются отдавать дочерей в ваш род. Проблема не в тебе, друг мой.

– Ты прав, – кивнул я, – как всегда, прав. Но иногда мне хочется быть кем-то другим. Боевым магом, например. Защищать границу огнем и мечом и знать, что где-то далеко есть Рубежник, который не допустит беды.

Было стыдно, но бороться с собой с каждым днем было все тяжелей. Магия давила на плечи, нашептывала безумные идеи, ломала волю. Не хотелось бы повторить судьбу Ильберила Седьмого Безумного. С другой стороны, и это не сломает Траарн. У меня есть сын и есть кому о нем позаботиться.

– Боевыми магами мечтают стать все мальчишки, – услышал я в ответ. – И я тоже. До сих пор.

– Сдается мне, друг мой Вердар, мы так и не повзрослели.

Отставив бокал, я отвернулся от окна. Друг, как и всегда, занял софу. Мне оставалось сесть на стол или приткнуться

на узкую табуретку.

– Целый король, а почтения к нему – ноль, – проворчал я и сел на стол.

– Тебя разве в детстве не били розгой за расхлябанность и привычку сидеть не там, где надо? – поддел меня Вердар. – И потом, сам облюбовал этот закуток. То ли дело кабинет твоего отца – роту солдат усадить можно. И эхо гуляет от стены до стены.

– Моя матушка – дивная эльфийка, ей не были нужны розги. Одно движение бровью – и двор укрощен, муж вразумлен, а сын преисполнен почтения.

Вспоминать о родителях было приятно. Отец редко выходит на связь, он осознает себя заново, эльфом. Любовь матери дала ему шанс отрастить длинные уши и не менее длинный срок жизни. Я не в обиде. Если только немного – слишком тяжело было без подготовки удерживать рвущиеся рубежи. Но с моим сыном в свое время произойдет ровно то же самое – у Траарна может быть только один Рубежник.

– Мэврис как будто одумалась, – с сомнением произнес я. – Хотелось бы верить, что мы сможем наладить отношения.

– Ты все еще в это веришь? – скептически спросил Вердар. – Прости, но с женами тебе не повезло.

– Не соглашусь с тобой. Ведь тогда можно сказать, что и им со мной не повезло. И об этом я тоже хотел с тобой поговорить.

– О везении? – удивился Вердар.

– О произошедшем сегодня. Ты воспользовался лазейкой в печатях Мэврис и закрыл ей рот. Вердар, ты мой друг, мой советник, человек, на которого я могу опереться в трудную минуту. Но это, мать твою, не дает тебе права помыкать королевой. Твоей королевой, Вердар.

Лорд Эрсталь встал, поклонился и четко произнес:

– Ваше Величество вправе наказать меня, однако, вернувшись в прошлое, я поступил бы так же. Королева Мэврис стояла на границе ваших чар помех, и ее, в отличие от вас, могли услышать придворные. Если мне будет позволено, то я принесу свои извинения Ее Величеству лично.

– Ее Величество ниспослала мне право простить тебя от ее имени и даже поощрить, – криво усмехнулся я. – Сама же она прощать тебя не собирается. И ее можно понять. Эти печати влияют на нее не в лучшую сторону, но они были необходимы.

– На твоей матери их не было, – тихо напомнил Вердар и сел.

– Моя мать была эльфийкой, у нее не было второго облика. Их пришлось наложить на мою первую жену, у Иварис были проблемы с волчицей, как ты помнишь. Печати подчиняли ее, да. Но и защищали тоже. Просто представь, что во время беременности кто-то смог бы заставить ее обратиться. Или что она сама обратилась, не в силах удержать зверя в узде. Верд, не я это все придумал!

– Но ты можешь изменить, – уверенно произнес друг. – Особенно сейчас, когда у тебя уже есть наследники.

– Ты желаешь смерти моей жене? Она носила всю плеяду печатей подчинения больше трех лет, Верд, ей не выжить. Будь у нас вторая картрис, с той же специализацией, что и Мэврис… Можно было бы попробовать. Но, увы, среди редгенок больше нет картрис, а остальные мало разбираются в особенностях оборотней. Боюсь, что наш самый неразрешимый конфликт растет именно от этого – она потеряла возможность обращаться. Раньше такого не происходило ни разу, а Мэврис… Она замкнулась в себе, а потом начала чудить.

– Она стала ненавидеть тебя, – безжалостно уточнил Вердар, – и потому сейчас мне страшно интересно, с чего вдруг Ее Величество так благостно настроена. Ты бы попробовал убедить ее пройти обследование. Уже твой правнук вновь будет вынужден жениться на редгенке. Было б неплохо облегчить мальчику жизнь.

Мне оставалось только развести руками:

– Я не готов прилюдно, пусть и под чарами, обсуждать эти вещи – если мир узнает секрет рождения Рубежников, то мы рискуем потерять преимущество. А если не прилюдно… Ты же помнишь, после всех ритуалов и долгожданного зачатия Ее Величество одарила меня проклятьем и приказом не появляться в ее покоях до скончания веков. Хотя я и так там

не был. А на людях обсуждать такие вещи смерти подобно – не хватало открыть миру секрет нашего рода.

– Даже не представляю, как ты справляешься, – смешивая сочувствие и насмешку, произнес Вердар.

– Дар того стоит, – уклончиво ответил я.

К чему рассказывать о жарких, душных снах, где Мэврис отвечает любовью на любовь? К чему вспоминать о безумных ночах, когда не утихающее возбуждение не дает уснуть? Каждый платит свою цену, и если моя такова – что ж, это еще не самое страшное. Каждый из нас, Защитников, в страшных снах видит одно и то же – разорванную ткань рубежной защиты и наступающего врага. Мы не можем допустить фанатиков в свои земли. А значит, должны платить.

– Прости, мне не стоило лезть, – повинился Вердар. – Тебе не кажется, что Мэврис не только взялась за ум, но и както подозрительно поумнела? Она испытывала твое терпение каждую секунду, а сейчас тишина.

– Она редгенка, вспыльчивая, взбалмошная и безумно избалованная. Ты же знаешь, что у оборотней мало женщин и что в неволе волчицы не плодятся. Вот и балуют их, как могут, позволяют куда больше, чем это разумно. Ей было тяжело оказаться в Траарне, где переизбыток одаренных женщин и нехватка мужчин, – устало напомнил я. – К тому же не только я потерял жену, но и она – сестру.

– Хочешь сказать, что сейчас скорбь прошла?

– Хочу сказать, что рано или поздно все взрослеют. Ты

разобрался, что за ритуал она провела?

Вердар собрался, выпрямился и кивнул:

– Да. Есть два непреложных факта: во-первых, принцессу действительно не собирались убивать, во-вторых, Ее Величество была не одна. Расчеты выполнены ею, удалось найти обгорелые бумаги. Но магия к ней еще не вернулась, а значит, был сообщник. Первым делом я проверил лорда нед-Арнского, но это не он.

Лорд Райан нед-Арнский, сын, который не может понять, отчего отец удалил его от двора. Отчего отец не уделяет ему внимания и отчего не приходит посмотреть на маленькую сестренку. Будущая леди нед-Арнская не будет нуждаться ни в чем, кроме родительской любви. Которой девочке недостанет – ядовитый, тяжелый дар траарнских королей убивает своих наследников, не способных его принять. Единственный способ защитить их – отослать, не видеть, не касаться, не говорить. Зная все это, очень тяжело продолжать верить в старый постулат: «Дар того стоит».

***

К балу я готовилась старательно. Точнее, я старательно готовилась к провокации. Как бы ни хотелось сохранить ровные отношения с мужем, мне придется пойти ему наперекор. Королева открывает бал с королем, затем танцует с ближайшими приближенными. Все прекрасно, вот только королева

– я, и это все портит. Боже мой, мне удалось запороть даже недовальс на школьном выпускном! Так что остается только одно – остаться у себя и найти другую причину, чем «внезапные недомогания».

Именно поэтому я сейчас сидела перед волшебным трюмо, которое от моих запросов подернулось розоватой дымкой. Полагаю, так дух выражал свое смущение.

– Так никто не одевается, – проскрипел зеркальный. – Это невозможно.

– Меня толкает на это необходимость. Ты показал мне танцы, и они слишком сложны. Будь у меня хотя б неделя, я бы рискнула.

– Это тоже риск, – буркнул дух. – Вот так?

Я смотрела на себя и кривилась. Нет, дух все воспроизвел как сказано, но… Но это был не королевский наряд. Черное кружевное белье с мелкими бриллиантами, практически прозрачная накидка. В свое время я хорошо смотрелась в этом наряде, хотя вместо бриллиантов там были стразы. А вот юная Мэврис выглядела смешно, пошло и нелепо.

– Создавать? – с сомнением спросил дух.

– Нет, подожди.

У королевы Траарна слишком аристократическая внешность, и кричаще-сексуальные вещи ей не подходят. Но…

– Сделай максимально закрытое платье. Да, ворот под горло, облегающий рукав до запястья, подол до самого пола. Ага, теперь перекрась его в золотой и сделай почти прозрач-

ным. Нет, никакого белья. И теперь скрой интимные места теми рыжеватыми камушками.

– Эти «рыжеватые камушки» называются солнечными или желтыми бриллиантами, – вздохнул зеркальный дух.

Мы скрыли грудь за россыпью бриллиантов, так же прикрыли и более интимное место. А еще густо изукрасили подол, чтобы ткань красиво разлеталась при ходьбе.

– Высокую прическу и неброский макияж? – спросил зеркальный дух.

– Именно. Платье достаточно, кхм, яркое.

И колкое. Тонкая прозрачная ткань кололась в самых неожиданных местах, путалась в ногах и неимоверно раздражала.

«Будь честной с собой, – вздохнула я, – это не платье виновато. Это страх. Если король действительно в таком виде отволочет меня в бальный зал…»

Походив немного в платье, я попросила духа сменить его на что-то более подходящее раннему времени и устроилась в кабинете. До обеда достаточно времени, и лучше его потратить на чтение.

– Ваше Величество, подойдите к двери и откройте ее, – раздался счастливый голос Райана нед-Арнского. – Пожалуйста! Просто стук в дверь и правда невозможно передать внутрь. А вот голос – можно.

Ох, надо попросить его приглушить громкость.

Идти пришлось к основным дверям моего будуара. Пер-

вым в открытую дверь вошел Шелтис, он так отерся о мои ноги, что едва не уронил.

– Вы рады? – широко улыбнулся Райан и поставил на пол вазу.

– Рада. А ваза зачем?

– Так в нее будут кричать те, кто хочет к вам войти. Вернее, ту, в которую будут кричать, я оставил в коридоре, а из этой будет слышно. Сейчас-то я свой голос к вам магией отправил, но если так постоянно делать, то защита покоев может прохудиться.

«Какой кошмар», – подумала я и широко улыбнулась:

– Интересный выход. А нельзя как-то иначе? Не в вазу кричать, а, не знаю, хотя бы просто громко перед дверью сказать?

– Но я не такой гений, как вы, – погрустнел Райан. – У меня получилось только с двумя вазами.

– У тебя все впереди, – утешила я его. – Проходи. Надо будет как-то уведомить придворных о новых правилах.

– Я разберусь, – уверенно произнес воспрянувший духом Райан.

– Пообедаешь со мной?

– Конечно, моя королева. Разве я мог бы ответить на ваш чай столь черной неблагодарностью?

Сделав умное лицо, я покивала и отошла в сторонку.

– Прошу разрешения не кричать, – улыбнулся Райан. –

Принесу наш обед. Как и положено традициями, я все добыл сам.

– Ты невероятный, – выдавила я.

Кажется, мне нужны справочники Редгена. Правильно, ведь Райан – мой племянник, значит, он наполовину оборотень. Наверняка он остро интересуется традициями далекой страны.

Парнишка притащил поднос с горой ароматного шашлыка. Рядом притулились плоские тарелочки с тщательно отмытыми корешками и какой-то зеленушкой.

– Немного стыдно, – он отвел глаза, – я совершенно не умею искать растительную пищу. Да и оленя завалил с помощью магии, а не во втором облике. Но у меня его нет и…

– Магия – часть тебя, – прервала я самобичевание, – как и второй облик – часть любого редгенца. А значит, ты все сделал правильно.

– Я тоже так подумал, – серьезно кивнул Райан, – поэтому не стал брать с собой оружие.

Мне резко подурнело. Нет, эту ночь я проведу в обнимку со всеми книгами, в которых хотя бы краем упоминается Редген. Иначе в следующий раз, по незнанию, я отправлю ребенка в жерло вулкана. Добывать какой-нибудь уголек для традиционного ужина.

За обедом Райан молча, но очень почтительно подавал мне кусочки мяса, коренья. Сам не ел. Правда, я видела, что он чего-то ждет. Возможно, я должна сказать «достаточно»?

Или, напротив, перехватить «власть» над обедом и покормить уже его? Первое – логичней, второе – как-то приятней, честней и благородней.

Мягко улыбнувшись, я взяла в руки кусочек мяса и протянула Райану. Он как-то облегченно выдохнул и принял его от меня. Ага, то есть были возможны варианты? Вообще-то, стоит отметить, что шашлык был так себе – без соли и специй, да и коренья были пресные.

И теперь Райан это заметил. Ага, парнишка явно привычен к острой пище, и ему откровенно невкусно. Ну что поделать, дорогой племянник, ты это приготовил!

Наконец ритуальный обед был завершен. Я это поняла по торжественным словам Райана:

– Долгов меж нами нет, клянусь следовать за своей королевой в жизнь и в смерть.

– Долгов меж нами нет, – по наитию повторила я, – клянусь принять твой путь.

Племянник чуть удивленно вытаращился на меня, но спрашивать не стал. Правильно, в Редгене он никогда не был, а я была. Ну, Мэврис была.

– Предлагаю попить чего-нибудь несладкого с чем-нибудь сладким, – сказала я. – Найди что-нибудь.

– Кухня сейчас готовится к балу, – наморщил нос Райан, – но я добуду пирожные для своей королевы!

И действительно добыл. После жестковатого и несоленого мяса воздушные пирожные были пищей богов. Шелтис

все это время сидел на другом конце гостиной и поливал нас презрением. Ровно до тех пор, пока Райан не поставил перед ним изящное фарфоровое блюдечко с пирожным. Минут десять кот занимался исключительно десертом, затем поднял голову и подарил нам взгляд из разряда: «Ну, живите, мои двуногие рабы. Польза от вас все же бывает». Это было особенно уморительно из-за крема и крошек, приставших к шерсти и усам.

– Похоже, что хаэтэ Шелтиса пора умывать, а раз он не хочет принять помощь от вас, придется это сделать мне, – улыбнулся Райан. – Я принесу его вам после бала.

– Ты там будешь? – Я поднялась на ноги, чтобы поймать кота, если он решит бежать.

– Нет, мне нечего там делать, – строго ответил парнишка, а я даже растерялась:

– Почему?

Райан посмотрел на меня и грустно улыбнулся:

– Моя королева не понимает? Вы всегда так искусно обходили стороной эту тему… Все, что касается королевского рода, сокрыто тайной. Никто не понимает, почему старший сын короля – «неудачный». Ради всех богов, да у других родов и понятия-то такого нет! Вот и шарахаются от меня. Видят – руки-ноги на месте, магия есть. Значит, неудачный в плане, ну, как мужчина не получился. А я получился!

Лорд нед-Арнский резко замолчал, испуганный собственным вскриком. Коротко, как-то ломко улыбнулся, быстро

подошел к коту, подхватил того под пушистое пузо и ушел. Не прощаясь.

– Вот тебе и сказочная сказочка, – буркнула я и плюхнулась обратно в креслице.

Ничего, в этот раз от мероприятия любыми путями отмажусь, а потом научусь. И зеркало покажет, и с Райаном потанцуем. Его ведь наверняка учили, а практики не было. Вот и скажу ему, что на следующем балу он присутствовать обязан, а я, как хорошая родственница, обязана проследить за его подготовкой.

Линед Сехарейя Траарнский
Двадцать Седьмой Защитник Рубежей Траарна

В ветвях тонких молодых деревьев заливался соловей. Этих дивных певцов можно услышать только на самом краю «обитаемой» части королевского парка. Сюда не приходят благородные леди, галантные кавалеры не спешат услаждать их взор магическими фокусами, и потому птицы чувствуют себя в безопасности. Впрочем, покой и тишину любят все, в том числе и уставшие донельзя короли.

К сегодняшнему вечеру дворец готовился почти месяц. Мэврис никогда не интересовалась человеческими балами, хотя и с удовольствием танцевала. А вот подготовка к этому всему легла на плечи старейшей из придворных леди –

Алиэсты Форнвиль. Хотя я бы не рискнул назвать ее «старейшей» в глаза. Имея четвертушку эльфийской крови, леди Форнвиль в свои восемьдесят с хвостиком выглядела где-то на тридцать пять или сорок лет. Она не участвовала в придворной жизни, не выходила к обеду, но всегда выручала в предпраздничной суете.

– Ваше Величество, вас трудно найти.

А еще леди Форнвиль обладательница редкой способности – где бы ни спрятался нужный ей человек, она выследит его и настигнет. Увы, к королям это тоже относится.

– Неужели? Я не прятался.

– Что ж, старая чайная беседка с прохудившейся крышей – где же еще может отдыхать траарнский король? Что гнетет вас? Конечно, поставщики привезли не то вино, да и цветы другого оттенка, что приводит меня в ужас и негодование. Но с гадкими торгашами я безжалостно расправилась, а вы, как мне кажется, даже и не знали об этих неурядицах.

Я попытался отшутиться:

– Не стоит ли мне найти несчастного торговца и посочувствовать ему?

Тихий смешок, но леди не пожелала сменить тему:

– Ваше Величество, мне неприятно об этом напоминать, но именно мои руки приняли вашего новорожденного отца, что безвозвратно испортило мое любимейшее платье. Так что я не то что вас, я вашего отца держала на руках. И ваших детей – тоже, всех четверых. Что вас гнетет? Гордячка Мэв-

рис? Так она наказала сама себя. – Леди Форнвиль присела на потемневшую от времени скамью. – Дети? Давно пора поговорить с Райаном по душам. Через перегородку, конечно, но все равно лучше, чем ничего.

– И рассказать сыну, что у него никогда не будет жены? Не рановато ли? Ему всего шестнадцать лет.

– Я бы сказала, что слегка поздновато. Это знание не помешало брату вашего отца, он и леди Фиарр живут душа в душу и воспитывают общих детей. Учитывая уровень одаренности мальчишек, не будет в королевстве такого дурака, который назовет их бастардами.

– Вы не думали вернуться на пост старшего дознавателя?

– Я слишком стара, – поморщилась леди, – и громкие крики вызывают у меня мигрень. К тому же королевская власть крепка как никогда.

Я прислушался и понял, что соловей нас покинул. Жаль.

– Крепка как никогда, а о том, что королеву не принял двор, я узнаю спустя три года. Тихая, почти неслышимая травля – все рассчитано на редгенский слух.

Леди Форнвиль вздохнула, сорвала листок с вьюна и растерла его в пальцах.

– Вашей матери, перед ее первым балом в статусе королевы, в туфельки подсыпали стеклянную крошку. До этого эпизода она тоже, как и Мэврис, пыталась отделиться от Траарна. Тогда власть была не так крепка, и нежной эльфийской леди пришлось отращивать клыки и когти. Сейчас такое и

представить невозможно, верно? А тогда ваш отец стоял перед супругой на коленях, врачевал ее израненные стопы и даже не пытался ничего пообещать. Они вместе привели Трааарн к единству и удалились, потому что никому ничего не простили. Вы, мой король, не знаете, что такое бессилие. Ваши проблемы с женой решаются очень просто – уважение, умеренное потакание капризам и ухаживание. Три столпа, на которых держатся все браки мира.

– Она не носит то, что я ей дарю, выбрасывает из покоев цветы, на прогулке держится так, будто ей приказали идти со мной. – Я криво усмехнулся. – Мэврис – это Мэврис, и я ее ни в чем не виню. Наша жизнь началась отвратительно и продолжилась так же. Сейчас мы в состоянии хрупкого мира, и меня это устраивает.

Я врал, и мне даже не было стыдно. Кто бы что ни думал о моей жене, но я восхищался ее характером и ее способностью гнуть свою линию. Та неделя, когда она не просто объявила голодовку, а старательно ее соблюдала, расставила все по местам. Моя королева снизошла до исполнения союзного договора «Я понимаю, что от вашего рода зависят жизни редгенцев», но – «Искренне надеюсь, что иные проблемы, не касающиеся одаренного потомства, вы решите самостоятельно» – даже не собиралась снисходить до меня. Если верить донесениям агентов, то у нее был «слишком близкий друг».

– А я все равно считаю, что никакая война не может

длиться вечность. И наша королева уже достаточно насиделась в своих покоях, – задумчиво произнесла леди Форнвиль. – Она ведь всю свою жизнь до замужества постоянно что-то делала. Картрис Редгенская только и знала, что затыкать собой все дыры – ее отсылали туда, где требовалась магическая помощь. Наводнение? Отправим туда Черную Волчицу. Пожар? Чудесно, у нас есть Картрис. Эпидемия? Что ж, с этим разберется старшая дочь Вожака. Своим статусом, своими достижениями она плюнула в лицо всему Редгену. Они балуют своих жен и дочерей, но при этом не позволяют им заниматься чем-то осмысленным. Чем-то, что может отвлечь волчиц от семьи и детей.

Алиэста старательно объясняла мне то, что я и так знал. Мэврис должна была выйти замуж за одного из своих соотечественников, но вместо этого пошла по пути Картрис. Женщина-архимаг, одна из семи в истории Четырех Королевств. Было ли это ее желанием или она стремилась избежать брака – неизвестно. Но то, что ей этого не простили, не поддавалось сомнению. После ее становления Картрис очень много молодых редгенок задумалось о высшем магическом образовании. Прецедент-то вот он, в семье Вожака.

– Если вы не против, леди Форнвиль, я покину вас. Мне стоит навестить Ее Величество перед балом. Она, как вы помните, была нездорова.

Прервавшаяся на полуслове Алиэста как-то странно улыбнулась и склонила голову:

– Мудрое решение, мой король.

Я в этом уверен не был, но спорить не стал. И без того старейшая придворная леди смотрит на меня как на несмышленого ребенка.

Уже привычно открыл портал в небольшой альков на этаже королевы и быстрым шагом добрался до покоев супруги. Покоев, у дверей которых нес караул неимоверно гордый собой гвардеец. Хм, странно, раньше Мэврис была против лишних людей на своей территории. Но гораздо больше меня удивила изящная эльфийская ваза, стоящая на затрапезной табуретке.

– Ваше Величество, – поклонился гвардеец. – Позволите доложить?

– Позволяю, докладывай, – кивнул я.

– Его Величество Линед Сехарейя Траарнский с визитом к Ее Величеству Мэврис Ильсин Траарнской! – гаркнул гвардеец, склонившись к вазе.

С одной стороны, король априори в курсе всего, что происходит во дворце. А значит, мне должно сделать вид, что я ничему не удивлен. С другой стороны, от матери мне досталось немного любопытства, и я погибну, если не пойму, зачем орать на вазу.

– Интересный способ. Давно придумали?

Гвардеец приосанился и обстоятельно доложил:

– Ее Величество приказала, чтобы в покои больше никто

не шастал как к себе домой! А то никто не стучит, а если стучит, то неслышно. Вот милорд нед-Арнский и наколдовал. А вот за табурет-то королева ругалась, да. Но постамент еще не готов, а если я с вазой в обнимку стою, то в покоях миледи слышно дыхание. Я пробовал не дышать, но не получилось.

– Ясно. Одобряю.

Гостиная пустовала. Серо-голубые тона, вышедшая из моды мебель и полное отсутствие живых картин – Мэврис остается верна себе. Осмотревшись, нашел вазу-близнеца. Если подойти ближе и прислушаться, то все равно слышно дыхание гвардейца. Бедная Мэврис, неужели не догадывается прикрыть чем-нибудь отверстие?

Тихий шорох подсказал, что супруга готова почтить меня своим вниманием. Повернувшись, я увидел Мэврис и забыл все, что хотел сказать.

– Добрый вечер, Ваше Величество. – Она замерла в дверях.

А я мог только молчать и созерцать это удивительное непотребство, надетое на королеву. Я не знаю, что удерживало бриллианты на ее теле – может, магия, может, какая-то портновская хитрость. Но моя жена стояла передо мной, одетая лишь в драгоценности и свежие цветы. Нет, вокруг нее еще колыхалась какая-то прозрачная вуаль, но назвать эту самую вуаль «тканью» не поворачивался язык.

– Бал вот-вот начнется, – выдавил я и сделал шаг вперед.

– Позволь мне не идти на бал. – Она просительно улыб-

нулась и отступила от меня ровно на один шаг.

Несмотря на улыбку, в голосе жены звучали неуверенность и страх. Чтобы прийти в себя, мне пришлось использовать охлаждающие чары. И тогда вид супруги открылся мне с другой стороны – бледная, дрожащая, она вцепилась в косяк тонкими сильными пальцами и готовилась… К чему?

«К тому, что я поволоку ее на бал силой. Ведь обещал», – промелькнуло в голове.

– Было достаточно уведомить меня о плохом самочувствии, – сглотнув, сказал я.

– Вы обещали волочь силой, – безжалостно напомнила Мэврис.

– Я был зол и считал тебя худшей женщиной, чем ты есть. И я снял запрет, ты можешь посетить детскую. Сама понимаешь, долго тебе с детьми задерживаться нельзя, – я развел руками, – но поиграть и почитать сказку ты сможешь.

– Как…

– Как я узнал? Наши дети – истинное сокровище рода и наблюдают за ними каждую секунду. Мне доложили. Переоденься и отдыхай, Мэврис. Твой муж не чудовище, а всего лишь человек в неудобных обстоятельствах.

Повисла тишина. Уходить не хотелось – мне еще ни разу не доводилось видеть супругу в таком виде. Гладкая золотистая кожа, прозрачная вуаль, сверкающие камни и свежие цветы – все это превращало Мэврис в божественно прекрасную девушку. Если бы ее глаза светились от любви, я

мог бы умереть в этот момент. Но, увы, реальная жизнь не фантазии, и потому в глазах супруги я читал вопрос: «Ну и когда ты уйдешь?» Вот сейчас и уйду. Посмотрю только еще немного и уйду.

Глава 4

За окном взрывались фейерверки. Да так задорно взрывались, что вспыхивало все небо. Отсветы от огненных цветов пробирались сквозь все занавеси. А на окнах их было немало. Правда, было немного не по себе – фейерверк есть, а грохота – нет. Да и порохом тоже не пахло, что тоже довольно странно. А я с детства люблю этот непередаваемый аромат праздника – хвоя, мандарины и запах использованной хлопушки. Бал не Новый Год, да и на Земле до него тоже было много времени, просто… Просто так хотелось чего-то хорошего, чего-то не испачканного бывшим мужем.

«У тебя теперь целый мир», – сказала я сама себе и пошла будить зеркального духа. Интересно, у него имя есть? С другой стороны, это мир, переполненный традициями, не хватало еще освободить его случайно. Если незамысловатое приглашение на чай обернулось не особо понятным ритуалом, то имянаречение вполне может сделать зеркальщика свободным. О, точно, про себя буду называть его Зеркальщиком.

– Что ж тебе не спится-то? – уныло проворчал дух, но послушно переодел меня в простое платье без корсета и даже выдал шаль.

– На красоту полюбоваться хочу.

Сегодня, хотя правильнее сказать вчера, ведь полночь уже миновала, меня очень приятно удивил король. «Переоденься

и отдыхай», а ведь сам глаз не отводил. Его взгляд что-то задевал во мне, что-то, что выжило после предательства бывшего мужа. С другой стороны, мне нельзя влюбляться. Одно дело, когда влюбленные из разных стран, хотя все равно есть проблемы, а вот когда разные миры… Зачем мучиться из-за разбитого сердца, если гораздо проще не позволить себе влюбиться?

Примерно с такими мыслями я выбралась на балкон. Широкий и длинный, он позволял увидеть весь парк. Сколько же подо мной этажей? Судя по высоте – не меньше трех. Да, как-то я не удосужилась понять, на каком этаже находятся покои королевы. С другой стороны, по пути к той же столовой мы с Шелтисом несколько раз встретили трех и четырех ступенчатые переходы, так что вряд ли у дворца есть прям четкие этажи.

По случаю бала на деревьях были развешены мерцающие гирлянды. Интересно, как добиваются этого дивного эффекта в мире, где никто не потрудился открыть электричество? Наверное, магия. В этом мире кругом магия, и нормальный человек может сойти от этого с ума.

Закутавшись в шаль, я облокотилась о широкий каменный парапет и бездумно уставилась в пространство. Из парка доносилась совершенно незнакомая музыка, разноголосый смех и какие-то странные хлопки. Кто знает, может быть, здесь есть волшебные аналоги хлопушек и конфетти?

– Я устал искать тебя среди праздной толпы. Не то чтобы

ты могла затеряться среди своих придворных, но все же я не сразу понял, что тебя нет. Почему?

Хриплый незнакомый голос едва не заставил меня сигануть с балкона в густые кусты. Остановила только так и не выясненная высота этажа и растущие внизу розы. Шипы в разных местах меня не привлекают.

Резко развернувшись, я увидела высоченного перекачанного злодея. Ну, он же должен быть злодеем? Кто еще придет под покровом ночи к королеве в спальню?

«Или любовник. Мамочки, все на балу, кричи не кричи – не услышат. Я же не отмашусь от него!»

– Что с тобой? – заботливо проворковал этот ненормально огромный мужчина и в два шага оказался рядом со мной.

А я уже взяла себя в руки и вспомнила, что королева в данной ситуации только одна, и это я. А значит, он не может быть выше меня по статусу, так что нужно просто аккуратно разорвать отношения. Мэврис будет надо – извинится.

– Все в порядке, – солгала я. – Устала немного. Тебе стоит вернуться к себе, я не настроена продолжать отношения. Не то чтобы у меня кто-то появился, просто обычная усталость от… всего.

В свете луны глаза незнакомца отливали золотом. Ох, если он сейчас от огорчения обернется каким-нибудь медведем или, хуже того, носорогом – мне конец. Надо прорываться в спальню, а оттуда в кабинет. Там дверь крепче. К утру-то бал закончится, и спасут несчастную королеву.

«И всплывет адюльтер, а я опять буду без вины виноватая», – мелькнула мыслишка. Мелькнула и пропала, потому что незнакомец заржал как молодой жеребец. Вот только клыки у него во рту мелькали не конские, совсем не конские.

– Я так понимаю, – сказал он, отсмеявшись, – что у моей бесценной сестренки получилось. А я ее брат, Лийкхан.

А я как-то сразу поняла, что он врет. Как поняла? Да очень просто: не было между нами сходства ни на капелюшечку. Бывает, конечно, что брат с сестрой не особо похожи. Но вот мы с этим Лийкханом не просто были не особо похожи, мы прям противоположности.

– Приятно познакомиться, а я Мэврис, королева Траарна, – холодно бросила я.

Лийкхан хмыкнул и выразительно произнес:

– А сестра оказалась права – Умфра найдет неотличимое отражение.

Умфра… Кто-то при мне уже произносил это имя. Точно. Умфра и Шелтис. Шелтис оказался котом, кто же Умфра?

– Попробуйте говорить правду, – устало отозвалась я. – Достаточно посмотреться в зеркало и…

– А! Прости, – он широко улыбнулся, – мы с Ильси не кровные родственники. Пойдем в кабинет, еще не хватало, чтобы королеву увидели с «этим поганым оборотнем».

– О, так вас здесь знают, – хмыкнула я. – И даже немного не любят.

– А то. – Он первым вошел в спальню. – Линед так забавно

ревновал, весь извелся.

А через секунду я убедилась, что этот поганый оборотень и правда часто бывал в спальне своей не кровной сестры – он мимоходом наклонился и откуда-то из недр странного комода-стола вытащил огроменную плитку шоколада. Причем начатую плитку. Вряд ли любовник мог знать такие подробности о королеве.

– Будешь? Телу должно понравиться. Нет? Ну ладно, я не против.

В кабинете он обосновался на подоконнике, а мне осталось только кресло за столом. За ним я и устроилась.

– Даже если бы я поверил тебе на балконе, сейчас бы все стало на место, – как-то тоскливо произнес оборотень. – Она всегда садилась рядом.

– Рассказывай, и желательно по порядку, – велела я. – Инструкции в книжке весьма сомнительны и расплывчаты. Да еще и проявляются лишь со временем.

– Дневник Ильси – страховка, – серьезно ответил Лийкхан. – Жизнь адски непредсказуемая штука, и со мной могло произойти все что угодно. Так что я – основной план, дневник – запасной.

После этих слов повисла многозначительная тишина. Он ждал моих вопросов, а я ждала, с чего он предпочтет начать. Увы, вопросы у меня были по большей степени неопределенно-бестолковые. Хотя…

– Ты часто бываешь на Земле?

– Что?

– Ты сказал – «адски непредсказуемая штука».

– А-а, нет. Кстати, иногда мне кажется, что наш мир – это будущий твой мир, – усмехнулся оборотень. – Но горный рельеф против этой теории. Твой муж, а я буду говорить именно «твой», чтобы не плодить дикие конструкции «муж твоего тела» или и вовсе «муж души твоего тела». И тебя я буду называть «Мэврис», чтобы не путать с Ильси. Так вот, твой муж – великий маг и хранитель рубежей Четырех Королевств, двадцать седьмой Защитник и еще с десяток пафосных, но заслуженных титулов. Причем защитник он в самом прямом смысле – он держит тонкий купол над нашими землями. Это единственное, что не позволяет фанатикам уничтожить нас. Фанатики верят в Единого Бога, животворящий круг и святые слезы. В Ледяной Ад, где грешники каждый день замерзают заживо. И еще они верят в то, что магией может владеть только достойный. А достойны лишь Паладины. Но мы сейчас не о религии.

– Нет, не могла религия так сильно измениться, – покачала я головой, – так что я принимаю сторону горного рельефа – ваш мир не наш. Итак, Лийкхан, в чем смысл моего попадания?

Он криво улыбнулся и запихнул в рот всю огромную плитку шоколада. Хм, это он таким образом намекает, что ему нужно собраться с мыслями? Так мог бы просто паузу вы-

держать. Или здесь нет театров и люди не знают могущества многозначительного молчания?

– Нам нужно вернуться аж на двадцать лет назад, – произнес наконец оборотень. – Тогда отец Ильси принес своей жене трехлетнего, насквозь больного мальчишку. Как ты понимаешь, этим мальчишкой был я. Он выкопал меня из-под развалин дома – иногда граница все же истончается, и фанатики прорываются. Именно поэтому все мы заинтересованы в благополучии и процветании рода Траарнских. Ильси к тому моменту было уже восемь лет, и она принялась вовсю возиться со мной. Со своей чересчур балованной старшей сестрой она не общалась. И, пока окружающие хоронили принесенного слабосилка, она меня выходила. Да, мы не родные по крови, но можно ли сказать, что после всего этого она мне не сестра?

Я пожала плечами, но ничего не сказала. Можно, почему нет? Можно сказать, что Ильсин была добрым ребенком, куда только все делось?

– Я рос, но мой волк не приходил на зов. Из-за своей слабости я не смог обернуться в пять лет, а это крайний срок. Дальше в миру появляется оборотень-пустышка. Но Ильси не позволила мне опустить руки. Она ослабила связь со своей волчицей и отправила Умфру на поиски моего волка. Отыскать его было непросто, на это ушло почти восемь лет. За это время сестренка добилась потрясающих успехов в магии.

– То есть отсутствие волчицы не делало ее немагом? – уточнила я.

– Нет, с чего бы? Магия – удел человеческой ипостаси. Даже есть закономерность: если редгенец лишается магии, то он уходит в Лес, а если лишается второго облика – то с головой погружается в магию. Умные колдуны говорят, что это защитный механизм и что-то еще про выживание вида. Не очень в этом разбираюсь. Неважно. В общем, когда мне исполнилось пять лет и я не обратился, Ильси отправила Умфру за моим волком. Когда мне было шестнадцать – они пришли. Слияние проходило болезненно, и я стал не совсем оборотнем. Я – зверь, который может становиться человеком. Редгенцы – люди, которые могут обратиться в зверей. Из-за того, что Умфра долго отсутствовала, Ильси было очень тяжело ее принять. По счастью, их связь не рвалась, поэтому моя сестра осталась человеком-зверем.

Он замолчал и продержал паузу несколько минут. Оборотень сжимал и разжимал кулаки, стискивал зубы – всеми правдами и неправдами пытался взять себя в руки. А я до одури боялась, что он сейчас покажет мне своего волка. Особенно было жутко на фоне вставших дыбом волос и проявляющихся на пальцах изогнутых когтей.

– А потом первая жена Линеда умерла родами и на руках моей сестры появились печати подчинения. Оказывается, Иварис перед родами провела странный ритуал, – Лийкхан потер лоб, – который и перекинул печати на Ильси. Мы-

то поначалу думали, что это король сделал. Это уже совсем недавно выяснилось. Своим ритуалом Иварис не оставила выбора никому – ни королю, ни своей сестре.

– Как у вас все сложно. – У меня уже в висках ныло. – Если ты не против, то сделаем паузу. Я набросаю короткую схему, чтобы разобраться в ваших родственно-магических отношениях.

Вытащив листик, я быстро построила график. Итак, в три года в жизни Ильсин появился брат, которого она начала выхаживать. Лийкхан обмолвился, что Иварис «избалованная» и что сестры не общались. Значит, все внимание доставалось найденышу, и он стал ей братом. Затем, в пять лет, он не смог обратиться, и ради него, единственного дорогого существа, Ильсин совершает нечто невозможное. А это явно стоит на грани – отпустить часть себя куда-то туда, не знаю куда. Затем проходит восемь лет, и братику уже шестнадцать, возвращаются волки. Могли ли Умфра и тот неизвестный волк не только подружиться, но еще и завести романтические отношения? Ладно, оставим здесь знак вопрос и сердечко. Так, его шестнадцать лет были семь лет назад. Это получается четыре года до замужества Ильсин и три года до настоящего момента. Когда Умфра вернулась, Ильсин было тяжело ее принять – что это значит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.